

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2033

ТАГИР КИРЕЕВ
БЕЛЫЙ БАРС

 FUTURE CORP.

Метро

Тагир Киреев

Метро 2033. Белый барс

«АСТ»

2013

Киреев Т.

Метро 2033. Белый барс / Т. Киреев — «АСТ», 2013 — (Метро)

ISBN 978-5-17-082729-9

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду! В речах сладкоголосых джиннов, сплетающихся в единый узор, рождается новая история. Пересказанная тысячами родительских уст, вобравшая в себя все легенды и народные сказки красавицы-Казани, она дает жизнь новым героям, новым приключениям, изумрудным отблеском отражаясь в детских глазах, которые невозможно сомкнуть, пока не дослушаешь до конца. Восточная сказка постапокалиптического мира 2033 года. Легенда о Белом Барсе...

ISBN 978-5-17-082729-9

© Киреев Т., 2013

© АСТ, 2013

Содержание

Пролог	6
Глава 1	14
Глава 2	32
Глава 3	48
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Тагир Киреев

Метро 2033. Белый барс

«Кто воспитывает дочерей, делая это благородно и терпеливо, для того они станут защитой от адского наказания»¹.

Пророк Мухаммад

(да благословит его Всевышний и приветствует)

«Каждая мелочь с благодарностью возносит Господа. Однако вы [люди и джинны, имеете право выбора и ограничены в отдельных характеристиках и возможностях (к примеру, не знаете языков животных и растений), а потому] не понимаете [и не сможете понять] их прославления [как именно они восхваляют Творца]. [В границах земного и межгалактических пространств ни наука, ни что другое не поможет вам в этом, иначе вы получите существенную подсказку в столь ответственном экзамене, как жизнь.]».

«аль-Исра'»

Семнадцатая сура Священного Писания / Аят 44

Толкование Шамиля Аляутдинова

«Если Сатана играет кем-либо из вас во сне, то никому об этом не рассказывайте»...

Пророк Мухаммад

(да благословит его Всевышний и приветствует)

© Д.А. Глуховский, 2013

© Киреев Т., 2013

© ООО «Издательство АСТ», 2013

Пролог

– Как тебя зовут?

Волновой эффект дурман-травы становился все слабее и слабее. Кромешная пелена, такая приятная и теплая, обволакивавшая тело, постепенно рассеивалась и отпускала разум, собираясь мелкими комками где-то в районе желудка. Когда в голове зашумело, мужчина отчетливо услышал щелчки пальцев. Правое ухо. Затем, левое. И снова правое. Теперь звук равномерно поступал в сознание. После этого проявилась картинка. Лицо незнакомого человека в круглых очках постепенно обретало четкость. Вместе с тем возрастало и чувство дискомфорта – слышимое с видимым никак не могло собраться в единое целое, поэтому пришлось напрячься, чтобы звук щелкающих пальцев синхронизировался с их движением, а слова, произносимые незнакомцем, не отставали от его губ.

Пришедшего в сознание мужчину сразу затошнило. Поддавшись рвотному рефлексу, он лишь наблюдал за потоком блевотины, устремившейся из его рта в железную посудину, стоявшую рядом с кроватью. Судя по высохшим рисункам из желчи, застывших на посуде, такое происходило с ним не в первый раз.

– Ты помнишь, как тебя зовут? – повторил свой вопрос человек в круглых очках.

Мужчина, лежавший на кровати, отвернулся, борясь с очередным приступом тошноты и мерзким привкусом во рту, зажмурился и скользнул языком по высохшим губам, смачивая слюной надрывы, которые делали его речь невнятной и обрывистой.

– Не надо спрашивать меня об этом каждый раз, как я прихожу в сознание. Единственное, что я помню, – это как вы входите и выходите. Входите, а затем снова выходите.

– Прости, – незнакомец немного помолчал, а затем приподнял узорчатое одеяло, которым был укрыт мужчина, и оглядел его с ног до головы. Все тело было покрыто жутко раздувшимися волдырями, которые, лопаясь, выплескивали зловонную жижу цвета сукровицы с зеленью. Растекалась по ногам, рукам, груди, животу мужчины, она быстро впитывалась в простыни. – Пить хочешь?

Мужчина отрицательно дернул головой:

– Не хочу больше блевать...

– Хорошо. Давай я тебя умою.

Вот уже несколько дней человек в очках ухаживал за своим старым знакомым, омывая его тело медовой водой, постепенно избавляя от ключев отмершей кожи и чистя раны. Лекарь не знал, что случилось с мужчиной, – последствия ли это пребывания на поверхности, или новая хворь, а потому аккуратно, раз за разом проделывал уже знакомую процедуру.

Сначала он омывал мужчине лицо, изувеченное до неузнаваемости: часть правой щеки разодрана до потемневшего основания зубов, вместо морщин – косые растрескавшиеся алые линии вместо глаз – обглоданные рытвины с потухшими зрачками, на носу – кровавой засохший нарост, часть волос на голове отсутствует. Затем выжимал небольшие струйки воды из махровой тряпки, чтобы те аккуратно стекли по шее, потому что прикоснуться к ней не представлялось никакой возможности – изувеченный сразу же испытывал острую боль, после чего переходил на плечи и грудь. Не боясь испачкаться, аккуратно протирал руки и мыл каждую кисть, чтобы инфекция не попала в глаза, когда изувеченный касался пальцами своего лица. Затем живот и все, что ниже. Когда дело доходило до ног, лекарь менял воду, споласкивал махровую тряпку и брался за них. Особенно тяжело давалось омовение ступней – пальцы ног были словно выкручены, выдернуты и переломаны, и от каждого прикосновения изувеченный сжимал зубы, преодолевая боль.

Когда омовение заканчивалось, лекарь выносил грязную воду из юрты, а затем умытый и переодетый в чистое возвращался с небольшим молитвенным ковриком, намазлыком, стелил

его по направлению в сторону Мекки, где, как он надеялся, все еще была расположена Кааба², и долго молился.

– Именем Аллаха, милость Которого вечна и безгранична. Истинное восхваление принадлежит только Аллаху, Господу миров, милость Которого вечна и безгранична, Владыке Судного Дня. Тебе поклоняемся и у Тебя просим помощи. Направь нас на правильный путь. Путь тех, которым он был дарован. Не тех, на которых Ты разгневался, и не тех, которые сошли с него. Амин³.

Обычно в это время, слушая молитву, изувеченный засыпал, но в этот раз стоило лекарю закончить молиться, он спросил:

– Зачем ты это делаешь?

– Зачем молюсь? – лекарь встал с коврика и подошел к изувеченному.

– Нет, вообще все это? Зачем ты ухаживаешь за мной? Ты мой родственник?

– Нет... Не совсем...

– Тогда тем более не понимаю...

– Я хочу помочь тебе, очистить душу...

– Помочь? – изувеченный попытался усмехнуться, но скривился от боли и тяжело вздохнул. – Мое тело все в дырах. Загляни, посмотри – есть ли там душа? Я не вижу...

– Если ты жив, значит, на это есть причины. И, *раз уж ты жив*, неужели ты не хочешь вспомнить, кто ты и что с тобой стало?

– Я и так знаю...

– Ты серьезно? – лекарь привстал с кровати и внимательно посмотрел на мужчину. – Ты вспомнил, что произошло?

Изувеченный попытался приподнять голову и взглянуть на свое тело. Не вышло.

– Нет... Но явно ничего хорошего...

Лекарь устало стянул с себя очки, потер глаза, а затем снова устался на изувеченного.

– Как ты себя чувствуешь? Не против, если я покажу кое-что?

– Валяй, – скорчился тот.

– Хорошо. Одну минуту...

Лекарь поднялся с кровати, оттянул ткань, закрепленную над основанием входа, и вышел из юрты. В раскрывшейся щели изувеченный разглядел незнакомые очертания поселения и даже услышал птичью трель, но стоило ткани вернуться в основное положение, он тут же о них забыл. Теперь его взгляд цеплялся за все, что казалось ему приятным, красивым, что отвлекало от нескончаемой и занудной боли. Изнутри юрту затягивали выцветшие ковры, но они были малоинтересны. В этот раз он застопорился на покрывале.

Былое богатство этого покрывала – краеугольные узоры, линии, вышитые золотыми нитями по зеленому шерстяному полотну, изумрудная бахрома, окаймляющая его края, – померкло уже давно, но вызывало какое-то странное чувство. Хоть оно и было почти насквозь пропитано вонючей желчью, от него, пробиваясь через смрад, все еще исходил приятный молочный запах, запах ребенка. Такой знакомый и такой далекий.

Интересно, чье это покрывало?

Когда мужчина в очках вернулся в юрту, изувеченный медленно повернул голову в его сторону. Мешковатые брюки и рубашка в полоску висели на вошедшем, как на вешалке, и лишь спортивная кофта с тюльпаном и надписью латиницей на груди, накинутая поверх, казалось, пришлась впору. В руках он держал тетрадь с красной обложкой, какую-то ее часть. Поймав на себе взгляд изувеченного, лекарь тут же произнес:

² Кааба (араб. «куб») – мусульманская святыня в виде кубической постройки во внутреннем дворе Западной Мечети (Мекка).

³ Сура «Аль-Фатиха», открывающая Священное Писание, повествующая о смысле мироздания.

- Было в твоём рюкзаке, когда мы тебя нашли. Знаешь, что это?
- Понятия не имею.
- Предположения?

Изувеченный поджал губы, размышляя над ответом:

- Туалетная бумага, судя по внешнему виду? И, похоже, что часть ее я уже использовал.
- Мне нравится, что чувство юмора не покидает тебя, – вздохнул лекарь. – Это дневник.

Точнее, его половина. И я надеюсь, что записи помогут тебе кое-что вспомнить.

– Ты наверняка уже от корки до корки перечитал его. Так, может, просто расскажешь мне, в чем суть?

– Я бы с удовольствием, но не все они связаны между собой. А некоторые и вовсе вызывают целый ряд вопросов. Так что, позволь, я все же начну?

Когда лекарь оказался совсем рядом, он уселся на край кровати, затем аккуратно положил тетрадь себе на колени, слегка наклонился и посмотрел на изувеченного – его глаза застыли в одной точке, расположенной чуть правее незнакомца, и не позволяли себе ни толики лишнего движения.

Приняв этот взгляд как демонстрацию смирения и согласия, лекарь развернул страницу и принялся читать.

* * *

Казалось, что эта жизнь никогда не кончится. И в данной обстановке – это был вовсе не плюс. Кто-то наверняка потратил уйму времени, чтобы придать ей смысл, найти ответы, понять хоть что-то. Но тщетно. Единственный способ выбраться отсюда – умереть. А все, что могло помочь выжить, было явной насмешкой, издевательством над всеми нами. И если солнце и заглядывало в чью-то жизнь, то теперь это было лишним явлением, отмершим, ненужным. Как аппендикс в теле человека. Ведь какой смысл освещать своими лучами бирюзовые моря и сапфировые океаны, изумрудные чащи лесов и золотые пески пустынь, если этим никто не мог любоваться? Какой во всем этом смысл?

К тому моменту я уже и забыл, что такое слезы. Морщины под моими глазами давно были похожи на высушенные русла рек, а в тот день, они наполнились соленой водой до краев и ручьями текли до самой моей бороды.

Как это было прекрасно! О, поверьте мне, нет в этом мире ничего прекраснее звонкого плача маленького ребенка, которому Всевышний только что подарил новую жизнь. Он был похож на сладостную песню, которая отражалась о выгнутые стены станции и стремительно разносилась по пустынным туннелям, мрак которых уже давно не слышал ничего, кроме боли, адских мук и вечно грызущего людей голода. Я помню, как он волнительно переплетался с мелодичным азаном – призывом на молитву тех, кто еще во что-то верил, бережно воспетым голосом муэдзина⁴ из поселения гарибов⁵.

Как же долго этот плач мог не утопать во тьме. Каждую пылинку, каждый миллиметр станции, все то пространство, что он способен был охватить, он наполнял своим уверенным желанием жить. И мне сразу вспомнилось рождение моего сына. Крохотного, беззащитного, розовощекого с круглым животиком и «краником» под ним. Помню, тогда этот «краник» много значил для меня – сын, продолжатель рода, достойное вложение в старость. А потом все изменилось. Как же быстро поменялись наши мечты! И слезы снова текли по моим щекам.

Несколько секунд все казалось мне таким спокойным и безмятежным. Мысли о голоде, опасности и тварях отошли на второй план, и вместо них появилось маленькое, светлое пятно

⁴ Муэдзин – служитель мечети, призывающий с минарета мусульман на молитву.

⁵ Гариб (араб.) – чужой / Гарип (тат.) – калека, инвалид, урод. Здесь – мутант человеческого происхождения.

радости, возвышающееся к небесам. Но оно, как и все наше бытие, уперлось в потолок станции и резко вернулось обратно – в самые глубины моего сердца. Родись этот ребенок на несколько десятилетий ранее, возможно, этим чувствам не было бы предела, но сейчас, когда только некоторым из наших детей удастся встретить бледный рассвет, они практически не имеют ценности. Увы, но на то он и Конец Света, чтобы все возможное, даже человеческие чувства, погрузилось во тьму.

У Гарибов были свои причины довериться мне. Они верили, что я мог быть им полезен. Когда я пересек границу султаната вместе с мусафирами⁶, до их хана каким-то образом дошла информация о том, кем я был. И он предложил мне кров взамен скитаниям. Я был одним из тех людей, кто никак не мог насытиться знаниями. Из всех находок на поверхности меня интересовали только книги. Людям, вроде меня, достаточно было только услышать что-нибудь интересное, и это тут же оседало в наших головах.

Знали ли вы о том, что сердце женщины бьется быстрее сердца мужчины? Или что мед хорошо усваивается в организме только потому, что он уже переварен пчелами? А что к шестидесяти годам глаз человека успеваает воспринять такое количество света, какое образуется при ядерном взрыве? И что самое бескровное оружие – это водородная бомба, потому что в радиусе двадцати километров от места взрыва не остается никакой крови, только радиоактивный пепел?

Что большинство из нас знало о гарибах? Сосланные на станцию Аметьево еще султаном, казалось, они не испытывали к нам особой любви. Как, впрочем, и мы к ним. Но между нашим султаном и их ханом была договоренность. За каждого *дефектного* (я видел этот документ, и там было именно это слово – «дефектного»), принимаемого их стороной, гарибы получали продовольствие и защиту. Стоит ли говорить о том, что до того момента примеров, обратных этому, и вовсе не было.

И вот в небольшой юрте новорожденную окружили сразу несколько людей, управлявших станциями, которых пригласили на именины. На их лицах читалась невероятная радость, ведь родившаяся девочка не имела никаких внешних дефектов. Она была чиста и энергична. А ее глаза! О, эти глаза переливались всеми оттенками изумруда и были такими ясными, словно девочка понимала все, что происходило вокруг. Предводитель гарибов хан Хафиз сразу определил ее в касту детей, которым суждено было поддерживать дружественную связь с нами – нормальными людьми. И в этом я должен был ему помочь. А чтобы гарантировать ее безопасность, он наделил ее приданным, которое могло спасти остатки нашего человечества.

Дитя держало свою мать за некое подобие руки и одаряло ее таким взглядом, словно вздувшиеся и потемневшие части кожи – это нечто родное, нечто естественное. Каждый из представителей гарибов считал своим долгом навестить счастливую пару, а затем с великой гордостью отправиться по своим делам, мысленно и вслух благодаря Аллаху за этот дар. И, что родители, ослепленные своим счастьем, что остальные, поглощенные радостью за них, не заметили ничего странного в поведении ребенка, который вдруг залился горькими слезами.

Не заметил этого и я...

Вот вам еще один интересный факт: почти сорок процентов всего, что приключилось с вами вчера, вы уже забыли навсегда. Но тот день я буду помнить до конца своих дней. От первой и до последней минуты.

То, что сделали эти семеро, забыть невозможно...

⁶ Мусафир (араб.) – путник, путешественник. Человек, находящийся в пути. Здесь – сталкер.

* * *

Глаза изувеченного были прикованы к лицу лекаря, а когда тот остановился и повернул голову, его взгляд, скользнув мимо, застыл на покрывале.

– Что-нибудь вспоминаешь?

– Нет...

– Тогда, продолжим. Записи сделаны на арабском, но тут почти все переведено. Это твоих рук дело?

– Я не знаю арабского.

– Хм... Что ж, – и взгляд лекаря снова упал на текст.

* * *

Эти семеро взяли на себя огромный грех. Но, судя по всему, для них это было приемлемой ношей. Сдается мне, в черные сердца этих людей поместилось бы больше зла, чем добра в любое другое, обычное, красное. Ведь Конец Света зародил уродство не столько в человеческих лицах, сколько в человеческих сердцах, готовых на все ради достижения своей цели. Они приблизились к территории гарибов настолько быстро, что, когда мы почуяли беду, треть из мутантов уже была мертва.

Когда я услышал крики, то подумал, что это очередное нашествие кяльбов⁷, и бросился в укрытие. Станция Аметьево находилась на поверхности и, несмотря на все способы защиты, время от времени тварям снаружи удавалось сюда пробраться. Гарибы умели делать что-то такое, чего кяльбы боялись. Мне же оставалось только прятаться. И лишь оказавшись в укрытии, я понял, что это совсем не кяльбы.

Вспышка. Что-то маленькое, но невероятно шустрое вонзилось в грудь гариба, только что тащившего волоком по плитке своего раненного товарища. Снова вспышка. Яркий, но столь краткий свет вырвал из темноты злобную ухмылку воина, чья голова была покрыта капюшоном мантии. Еще одна вспышка, и шустрое нечто с легкостью пробилось сквозь твердую лобовую кость, проделав в голове гариба неровное отверстие. Ноги в тряпичной обуви одна за другой перешагнули через тело, которое теперь осталось на этом посту навсегда, с пробитой головой и грудью. Бездушное и бессердечное.

Я выглядывал из укрытия, когда это было возможно, и поочередно старался разглядеть каждого из этих семерых. Мне было очень страшно. К сожалению, в моем арсенале не было ничего, что могло бы хоть как-то помочь несчастным гарибам. Пули с поразительной легкостью впивались в их грубые тела и с невероятной жесткостью прибивали их к станционной платформе. И этот запах. Запах чего-то сожженного. Запах услады для падальщиков.

Вспышки сверкали по всей станции, выхватывая из мрака застывшие от ужаса лица гарибов. Они на доли секунды освещали разбитые по платформе палатки изнутри, и уже навсегда тушили искры жизни во взглядах невинных мутантов. Эти семеро спланировали каждую деталь нападения. Дело оставалось за малым – добить тех, кто уже не мог защищаться, и найти то, ради чего они пришли.

Я видел, как один из гарибов оттолкнул свою жену в сторону и бросился к нападавшему. Он ловко уворачивался от огненных вспышек, пока одна из них не вонзилась в женщину, рухнувшую позади. Запнувшись на секунду в принятии решения – двигаться дальше или бро-

⁷ Кяльб (араб.) – собака, пес.

ситься помогать жене, – мужчина совершил ошибку. Третья вспышка сделала выбор за него и прибила гариба к земле так же, как и остальных...

* * *

Лекарь перевернул страницу и снова остановился.
Серые, потухшие глаза изувеченного на мгновение накрыли рваные веки.
– Можем не продолжать, – переживая за него, промолвил лекарь.
– Нет-нет, – прохрипел мужчина. – Давай уж, дочитывай...
И лекарь продолжил.

* * *

Гарибов обуял ужас, когда они поняли, что их станция – это смертельная ловушка, в которую они сами себя загнали. Гигантская стеклянная кишка – вот какой она показалась мне, когда я впервые увидел Аметьево. К ребрам застекленной конструкции, выведенной на поверхность, просматриваемой со всех сторон и не представлявшей из себя даже подобия укрытия, гарибы крепили стальные листы и подпирали их арматурой. А витражные окна наглухо забивали досками и заваливали любым крупногабаритным хламом.

И теперь представьте, насколько сильным был их ужас, что они вырывали эти толстенные пласты сооружений из основания станции, швыряли их на уже распластанные тела и выпрыгивали наружу, не жалея рук, ломая ноги, разбивая головы, испуская дух на обломках асфальта под звуки нечеловеческого чавканья. Они не боялись расшибиться, прыгая с высоты станции прямо на дорогу, не боялись сразу же оказаться разорванными голодными тварями. Ужас погибнуть от рук этих семерых был куда сильнее.

Поистине оружие семерых пресекало любую попытку самозащиты, превращая и без того изуродованные радиацией тела в еще более омерзительную картину. Семеро практически не прикасались к гарибам – достаточно было взмаха руки, вспышки, и тех становилось все меньше и меньше. Уже через несколько минут багровые реки омывали несколько десятков бездыханных тел, прикованных к платформе.

Пришельцы не жалели никого.

Маленький мальчик с раскосыми глазами и сильно выдающимся вперед лбом, выбежавший на поиски своих родителей, при виде людей в черных мантиях, помчался обратно, туда, где, как ему казалось, он смог бы быть в безопасности. Белая сорочка, скрывавшая его уродства аж до самых пят, вот-вот могла окраситься в алый цвет. Но он все бежал и бежал, перебирая маленькими ножками по холодному полу, делая это неуклюже из-за подола сорочки, пока чья-то большая и сильная рука не схватила его за макушку. После резкого движения в ушах обоих прозвучала мелодия нескольких хрустнувших шейных позвонков. Вот что связывало в тот момент и убийц, и их жертв – музыка смерти. Только для одних она означала победу, а для других – полное поражение. Буквально в ту же секунду эта же рука выхватила из-за пояса оружие и остановила еще одного гариба короткой вспышкой.

Человек вернул оружие на место и приказал другому воину обыскать все помещения, палатки и прочие подобия укрытий, в которых мог бы скрываться ребенок. Он скинул с головы капюшон и присел на корточки посреди мертвых тел. Я не мог разглядеть лица – золотая маска, испещренная арабскими символами, скрывала его. Страх мешал мне заглянуть ему в глаза. Я и подумать не мог, что его и без того черное сердце возьмет на себя еще больший грех. Он чувствовал меня. Чувствовал, что я наблюдал за ним, и за тем, что творили его люди на станции. И это вызывало лишь улыбку на его лице.

Он размеренно следил за тем, как его люди добивали оставшихся в живых гарибов и обыскивали Аметьево. В одной из палаток, в той, где совсем недавно гарибы радовались великому счастью и столь возвышенному событию, они не нашли ничего, кроме тупа женщины, уткнувшейся лицом в пол.

А затем раздался рык.

Громогласный рык зверя, который приближался к станции.

Боже, как я тогда испугался! Ибо не знал, что в этом рыке – спасение.

Оглядываясь по сторонам, воин сообщил, что ребенка нигде нет, а затем выхватил свое оружие и выпустил несколько неугомонных вспышек вверх, чтобы прогнать рычащее существо.

Минуту спустя запахло жареным мясом, и я понял, что станцию подожгли.

Они покидали Аметьево так, словно всего этого кошмара и не было вовсе. Словно под мантиями находились не люди, а демоны с черными сердцами. Демоны, которые выглядели как люди, говорили как люди, смеялись как люди, пили зараженную воду и даже умирали как люди, но сами несли смерть как твари, даже худшим из которых не приходило в голову убивать себе подобных. Тонкие нити нескольких десятков голосов, взрослых и детских, сплетенных в один болезненный клубок, потихоньку расплетались. Стоны прекращались один за другим. Вскоре оборвался на высокой ноте последний из них. И когда все закончилось, станция погрузилась в кромешную тишину. Казалось, даже крысы затихли, опасаясь за свои хвосты. Только языки пламени шепотом напевали погребальную песню в считанные минуты уничтоженному племени.

Я выскочил из своего укрытия прямо на платформу. Стараясь не задевать тела отмучавшихся гарибов, пытался добраться до ребенка, пока этого не сделал огонь или твари с поверхности. Они обязательно почувствовали бы смрад, доносящийся со станции, и прошлись бы по ней ничуть не хуже, чем это сделали эти семеро. Я пробрался в палатку, оттянул тело лежащей женщины в надежде обнаружить розовое, улыбающееся чудо, барахтающееся на мягкой подстилке. Но ее не было... Латки нигде не было...

* * *

Лекарь поймал себя на том, что уже пять минут смотрит на шероховатый лист бумаги, на загнутый кем-то уголок страницы. Он разгладил лист рукой, понимая, что, чем ближе он подбирался к концу написанного, тем страшнее ему становилось. Вычитывать мысли хозяина красной тетради и не погружаться в них было невозможно. Он прочувствовал каждое слово, каждое предложение и весь тот ужас, который скрывался за ними. Затем он оторвал глаза от тетради и посмотрел на изувеченного, с которым что-то случилось. Его тело тряслось в неосознанном приступе. Его пальцы стальной хваткой вцепились в край простыни, сжимая полотно. Мягкая ткань, которой он был накрыт, задрожала, словно живая.

Изувеченный не понимал своего состояния. Лицо лекаря стало пропадать, скрываясь за мутными кругами, фиолетовыми и черными. И вдруг страдальца пронзила ледяная вспышка – глаза вылезли из орбит, грудную клетку словно скрутило, тело стало деревянным, непослушным, внутренности трещали по швам, боль становилась невыносимой – его словно рвали на кусочки изнутри. Затем, по языку распространился горький привкус дурман-травы. Не разжевывая, изувеченный пытался проглотить ее вместе с языком, а когда почувствовал влагу на своих губах, то принялся жадно всасывать ее в себя, пока тело не достигло критического напряжения и, перевалив за него, окончательно не расслабилось...

Перед глазами одно за другим, стали возникать воспоминания из недавнего сна. Губы изувеченного скривились в беспомощной гримасе и задрожали. А воспоминания все нарастали

и нарастали. Казалось, еще чуть-чуть, и каждый, кто находился за пределами юрты, сможет услышать душераздирающие крики из его головы...

Последнее, что видел изувеченный, – усталое лицо лекаря, который своими тощими руками запихивал ему в глотку горький травянистый шарик, и все отчаянные старания, предпринятые разумом в попытках вернуться в сознание, пошли прахом.

Он провалился в черноту, растворяясь в беззащитном сосуде – своем теле.

И лишь одно имя крутилось в его голове.

Имя девочки.

Латика...

Глава 1

Сказки джиннов

А вам доводилось слышать перед сном нечто настолько интересное и невероятное, что глаз не сомкнуть?

Вот уже несколько лет, из года в год я наблюдаю, как люди рассказывают своим детям сказки. Как буквы собираются в слова, слова в предложения, а предложения в целые страницы образов, возникающих в маленькой детской голове. И не важно, верит ли сам рассказчик в то, что он говорит, – а чаще всего он не верит, он просто хочет, чтобы у его потомства были надежды. Надежды на светлое будущее. Было в человеческой истории время, когда рассказчиков сказок заменили электрические коробки. Уж эти-то бездушные ящики не скрывали ничего: ни хорошего, ни плохого. И слушатель сам выбирал, что ему нравится, а что нет. Но теперь, когда человечество скакнуло на несколько веков в прошлое, при этом оставаясь в будущем, сказки снова обрели свой главный смысл – дарить надежду.

В каждой сказке есть свои герои: одни плохие, другие хорошие, а третьи – ни то, ни се, но играющие важную роль в развитии истории. Неизвестно, конечно, представляет ли себя рассказчик героем этой сказки, становится ли лучше в своем воображении, чем является в реальности. Важно помнить одно – ребенок точно представляет его своим героем. Сильным, смелым, способным защитить от всех невзгод. И этот воображаемый мир становится ему ближе, нежели суровая реальность. Воистину дети чаще взрослых понимают, что не нужно быть героем, чтобы помогать людям. Можно сколь угодно быть наделенным силой или возможностями, которые доступны не каждому, и не совершить ни единого поступка, чтобы изменить жизнь к лучшему. Но можно быть совершенно обычным человеком и иметь совершенно стандартный набор качеств, будь то доброта, совесть или естественное желание выжить, чтобы сказка о таком герое со временем стала легендой...

До поры, до времени эти люди живут среди таких же, как они, пьют ту же грязную воду, вылавливают в туннелях крыс и прочую живность, пригодную для еды, и рассказывают детям те же сказки, что и другие взрослые рассказывают своим в соседней юрте. И единственное, что отличает одних от других, – это первый шаг. Обстоятельства ли приведут к этому первому шагу, или они сами сделают такой выбор – важно помнить, что со временем кто-то будет рассказывать об этом человеке очередную легенду, в которой дети будут представлять своих же родителей. Ведь лица героев совсем скоро сотрутся из памяти, и только тот, кто был таким же участником истории, кто помогал преодолевать препятствия и преодолевал их сам, будет помнить их. Для остальных эти лица будут сокрыты под плотным белым дымом, символизирующим возможность представить себя хоть на долю секунды таким героем...

Важно помнить еще кое-что: любая легенда может звучать совершенно по-разному из уст рассказчиков – каждый из них может повернуть историю в выгодном ему направлении. Если это отец маленькой девочки, он обязательно расскажет ее как сказку со счастливым концом. Если это человек с темными намерениями, он сделает все, чтобы оправдать себя в этой историей. Но лишь некоторые из нас могут рассказать, как все было на самом деле...

Записи в красной тетради

* * *

Еще несколько дней назад станция Яшьлек была полна звуков человеческой возни. На скамейках и краях платформы сидели мужчины, разыгрывая партию в самодельные шахматы или читая пожелтевшие книги. Игроков окружали зеваки, по кругу ходили пиалы с чаем и медовой водой. Женщины же разбирали горы хлама, принесенного с поверхности, порой по нескольку раз натываясь на одни и те же вещи и оценивая их пригодность в быту. Но сейчас ковры, застилавшие платформу, были свернуты и собраны в вестибюле, палатки и юрты опустели, а в ушах Тимура отчетливо слышался только один звук – звук его шагов, лишь подчеркивавших уровень запустения. Он смиренно шагал по станции, отгоняя от себя бестолковые, никому не нужные мысли. За эти несколько дней он хорошо выучил свой путь от гостевой юрты до покоев султана, наспех сооруженных в связи с приездом последнего. Он запоминал каждую гранитную плитку, выложенную ромбом и окаймленную сеткой с такими же вставками, словно веря, что пока в этих плитках ничего не менялось, в его жизни тоже все оставалось без изменений.

Двадцать четыре. Двадцать пять. Двадцать шесть. Двадцать... Стоп!

Тимур остановился на разбитой плите, впечатанной в пол станции, и посмотрел в сторону скамьи, расположенной недалеко от него. Скамью с восседающей на ней бабушкой – неотъемлемой частью его вот уже шестого утра. Бабушка эта была чуть ли ни единственным поселенцем станции, которую не смогли выселить в связи с приездом дяди Тимура – главы султаната. Вторым таким поселенцем был ее муж. Старость настолько проникла в этих людей, что любое передвижение могло закончиться для них печально. Они бы и рады этому, но по воле случая к человеку, который ждет смерть, она приходит в последнюю очередь. А уж в этих местах смерть от старости была крайне редким событием.

Племянник султана украдкой посмотрел старухе в лицо, словно хотел найти ответы на волнующие его вопросы в ее черных глазах, но раскосый прищур бабки не позволил этого. А жаль. Человек, который настолько приблизился к смерти, вполне мог знать ответ на вопрос: какой смысл в этой ограниченной жизни, упершейся сейчас в тупик?

И Тимур снова смиренно зашагал...

Двадцать восемь. Двадцать девять. Тридцать – дурацкая привычка считать количество любых действий – шаги, движение пальцев, звеня на четках, – единственное, что спасало его от тревожных мыслей. Он предпочитал, чтобы в голове крутились бестолковые цифры, нежели пустые размышления о том, каким стал этот мир. И возможно, если бы не эта привычка, он давно бы сошел сума... как султан...

Тимур вплотную подошел к тканевому завесу с волнистым красным рисунком, скрывавшим покои султана от посторонних глаз, сделал глубокий вдох и шагнул в юрту...

Помещение было просторным. Материал, из которого соорудили покои, племянник султана оценил еще при первом посещении – извилистые узоры на плотной ткани, натянутой на прочную металлическую конструкцию, аккуратно вывешенные ковры и шелковые платки для пушного уюта и, что было немаловажным, разбросанные по периметру юрты выцветшие подушки, на которых спокойно могли разместиться пять-шесть человек. Те, кто собирал эту юрту, успели даже повесить в ней портреты первых лиц – тех, что правили еще там, на поверхности, олицетворявших сейчас лишь связь этого странного настоящего с тем восхитительным прошлым. Но самым главным украшением султанской юрты был шамаиль. На необычной священной картине, по которой голубым, синим и зеленым цветом разливалась сверкающая краска, обрамленной декоративными вставками из бархата, была изображена священная кааба – главная мусульманская святыня, ориентир, к которому обращали свое лицо мусульмане всего мира во время молитвы. Раньше такие картины висели практически в каждом татарском доме,

но сейчас это произведение искусства было редкостью, поэтому мусафиры продавали такие вещи за баснословное количество кристаллов меда. Во сколько дяде обошлась эта картина, Тимур не знал, но догадывался, что все собранное в юрте имущество, включая саму юрту, не стоило и краешка этого бесценного творения – символа веры.

Увидев своего племянника, султан тут же указал на место слева от себя. Скинув ботинки, Тимур поздоровался с людьми, рассевающимися вокруг низкого деревянного столика, и устроился на подушке, обтянутой парчой. Дряблой рукой султан ласково коснулся его колена и одобрительно кивнул. В его глазах Тимур отчетливо разглядел растерянность и смятение, понимая их причину.

Человека, который раньше держал принадлежавшие ему станции не просто в кулаке, а виртуозно управлял ими, махнув лишь кончиком пальца с золотым перстнем, теперь никто не боялся, не уважал. За несколько лет правления Марата Султановича, ни у кого не возникало желания что-то изменить. Его указания, наполненные мудростью лет и мудростью его отцов, не подвергались сомнениям, а поселения из нескольких станций стали гордо называть Султанатом. Но теперь, когда Султан Марат захворал нескончаемой тоской по былым временам, он стал совершать ошибки. Поселения распоясались, люди стали работать хуже. Первые *спорные* указы султана снисходительно списывали на старость, но долго так продолжаться не могло. Первым признаком надвигающегося разлада в обществе стало то, что некоторые из недовольных уже называли свое поселение не горделивым словом «Султанат», а насмешливо и с укором – «Колхоз-Марат». И вот, когда правление дяди подошло к своему краю, за которым скрывалось лишь туманное будущее, построенное чужими руками, мусафиры султаната после долгого рейда на поверхность вернулись с находкой, которая должна была все изменить. Умы народа нельзя получить в свое владение, их нельзя присвоить, если в твоих руках нет главного козыря – источника всех бед и надежды на спасение одновременно. Арабские рукописи, найденные мусафирами, были тем самым козырем.

Ауру тишины нарушил старческий кашель, и Тимур обернулся. Две пары колючих черных глаз, оценивающе разглядывавших его из-под стальных седых бровей, нагоняли некий дискомфорт. Тимур знал, что старую, словно высохшую и оттого уменьшившуюся бабушку, за глаза называли говорящей с джиннами. И от этого становилось как-то не по себе.

О джиннах Тимур знал совсем немного – то, что слышал от своего отца, который без вести пропал, когда он был еще совсем мальчишкой. «Созданные Всевышним из пламени, еще до появления Адама и Евы, – говорил отец, – джинны, тем не менее, и до сих пор живут с нами, в параллельном мире, а мы не можем увидеть их, поскольку они не воспринимаются ни одним из пяти чувств, которыми наделил нас Всевышний. Они мощны, намного сильнее людей. И тот, кто попытается покорить их силу, сам от нее и погибнет, ибо джинн никогда не станет служителем человека!».

– Здравствуй, *улым*⁸. Тебя только ждем, – проговорила бабка, и в этих словах отчетливо слышался оттенок осуждения.

Тимур сдержанно кивнул.

– Здравствуйте, – поприветствовал племянника султана еще один гость.

Этого человека лет тридцати, с короткими черными волосами и карими глазами, Тимур уже знал. Это был чтец с Авиастроительной, один из трех отобранных племянником султана кандидатов, способных достоверно перевести найденные арабские письмена. И, по воле случая, единственный из них, кто еще был жив.

Сразу же после этого в палаты вошли еще три человека – двое гаскарцев⁹, служивших султану, и хранитель покоев, Муха, который внес поднос с пиалами и чайником медового чая.

⁸ Сынок (тат.).

⁹ От татарского «гаскэри» – воин.

Расставив посуду на столе, слуга кивнул воинам, и все трое уселись на ковер неподалеку от султана.

– Ну что, начнем? – улыбнулся Тимур и отпил чая из пиалы.

Голос приглашенного чтеца вот-вот должен был зазвучать.

Было видно, что он немного нервничал, ибо публика в покоях кардинально отличалась от той, что собиралась на станции Авиастроительная, чтобы послушать его сказки, стихи и поэмы.

Каждый день этот чтец доставал клочки пожелтевшей бумаги и почти до основания стертый карандаш, которые он выкупил за два кристалла меда у редко появляющихся на Авиастроительной мусафиров, и принимался сочинять очередную историю. Затем, ближе к вечеру, он забирался на одну из четырех станционных скамей, подолгу всматривался в свои записи (из двадцати одного прожектора, висевших над ним, работали только четыре), и его громкий голос надолго приковывал внимание нескольких десятков жителей своего поселения. Кого-то истории чтеца смешили, кого-то пугали (чаще – детей), но это было единственным развлечением на их тупиковой станции. И в те минуты, когда он декламировал свои истории, сам себе чтец казался живым...

Но сегодняшний текст, выведенный карандашом справа налево в тетради с красной обложкой, разорванной пополам, которую чтец держал в руках, писал не он. По правде говоря, он даже не знал, что именно за текст ему предстояло прочитать перед султаном. Более того, станция, на которой сейчас находился чтец, тоже была не его, а подушка, на которой он сидел, мало походила на знакомую скамейку. Единственное, что оставалось у бедняги – его голос. Громкий, звучный и уверенный голос. Именно поэтому, в свойственное ему манере, чтец приложил усилия, коих хватило бы, чтобы его услышали не только на Яшьлеке, но и на родной Авиастроительной, и голос зазвучал:

– ТО, ЧТО СДЕЛАЛИ ЭТИ СЕМЕРО, ЗАБЫТЬ НЕВОЗМОЖНО!

Чтец тут же смутился, наблюдая, как синхронно зажмурились все его слушатели. Когда громкий голос растворился-таки в коврах и шелковистых платках, говорящая с джиннами весьма снисходительно проурчала:

– Улым, ты же не в поле. Читай тише. Это я глухая, а они нет.

– Хорошо, – неуверенно кивнул чтец и начал заново. – ТО, ЧТО СДЕЛАЛИ ЭТИ...

– Нет, это невозможно! – рука султана дернулась, выпустив пиалу остывшего чая, которая приземлилась на ковер. – Муха, приготовь шишу¹⁰. Без нее я даже слушать не буду!

Султан резво встал с места и направился к выходу. Дождавшись, когда подол мантии господина скроется из юрты, а вместе с ним и хранитель покоев, Тимур медленно наклонился к испуганному чтецу.

– Прошу вас, успокойтесь. Так уж сложилось, что вы – единственный человек, кто может нам помочь. И, конечно же, вы должны понимать – все, что вы прочтаете и услышите в этих покоях, здесь должно и остаться. Но, хочу заверить вас, что работа на таком уровне и оплачивается по-другому. Поэтому, если вы возьмете себя в руки и просто переведете этот текст, то без промедления получите вдвое больше того, что вам пообещали.

Чтец неуверенно кивнул, внимая слова Тимура и доверительно наблюдая за ним.

– Значит, я действительно в вас не ошибся...

Тимур похлопал чтеца по плечу и поудобнее уселся на своем месте.

Сладковатый травянистый аромат табака ворвался в покои. Расположившись на подушках, сжимая трубку шиши с раскрасневшимися углями, султан доверительно кивнул, и чтец предпринял третью попытку.

– То, что сделали эти семеро, забыть невозможно...

¹⁰ Шиша (араб.) – кальян.

* * *

Белый пар рваными слоями поднимался к основанию юрты, скрывая от ребенка лицо и торс мужчины, нависшего над казаном с кипящей водой. Причудливая фигура больше всего напоминала сказочного персонажа, вроде джинна из бутылки, который по непонятным причинам представлялся девочке именно таким. И стоило отцу заговорить своим басистым голосом, это впечатление лишь усиливалось.

– *Борын-борын заманда...*¹¹

Юрта, где они жили с дочерью, являла собой жалкое зрелище. Хотя вход и скрывала достаточно плотная ткань, проказник-сквозняк то и дело забавлялся с ней, выставляя на всеобщее обозрение все, что происходило в жилище, а свет от стационарного прожектора вообще был их постоянным гостем, заглядывая в прогрызенную в брезентовом потолке дыру. Успокаивало лишь то, что дочери с этим светом спалось спокойнее. Выцветшие ковры затягивали юрту изнутри, как могли, и проглатывали каждое слово, произнесенное в ней, скрывая беседу от других жителей Авиастроительной, снующих по станции.

– Ну, пап!

Маленькая девочка, лежавшая на нескольких аккуратно сложенных матрасах и укутанная двойным одеялом, расшитым восточными загогулинами, скривила недовольную рожицу.

– Что?

– Не хочу такую сказку!

Мужчина оторвал взор от казана, наклонился в сторону и словно выглянул из-за пара, изучая смущенное лицо своей дочери, отмечая для себя, что ей не мешало бы причесаться. Этот навык – замечать любые изменения во внешнем виде и поведении дочери – развился уже несколько лет назад, когда за этим перестала следить жена.

– А что тебе в ней не нравится?

– Когда ты ее рассказываешь, я ничего не понимаю!

Девочка почесала макушку, затем внимательно поглядела на ногти и лишь после этого скрестила руки на груди, скрывая надпись на футболке: «100 % ТАТАР КЫЗЫ¹²». Отрезанные до плеч соломенные волосы, сведенные к носу бровки на бледном лице и поджатые тонкие губки добавляли явной серьезности этому заявлению.

– Ну, красавица моя, иногда я и сам не понимаю, что рассказываю, – лицо мужчины растянулось в довольной улыбке. – Когда твой дедушка был жив, он всегда начинал истории именно с этих слов.

– И что ты делал?

– Я? – Мужчина замахал рукой, полностью разогнав клубы пара. – Я внимательно слушал, ведь иначе он вообще мог ничего не рассказать.

Его поступь была неторопливой и очень мягкой. Оказавшись рядом с кроватью девочки, он присел на край матраса и потянулся губами к ее щеке, чтобы поцеловать, но та лишь резко дернула головой, не дав этого сделать.

– Ну а я слушать не собираюсь!

Приподнявшись с корточек и отступив на несколько шагов, мужчина подошел к небольшому столу, на котором стоял пустой графин и граненый стакан, со всех сторон иссеченный многолетними царапинами. Засунув руку в карман затертых шаровар, он достал из него

¹¹ Давным-давно (тат.).

¹² Стопроцентная татарка (тат.).

небольшой тканевый сверток, положил его на стол и, развернув, взял в руку золотистый неровный кристалл:

– Тогда давай так – сначала отвар, потом сказка.

– Нет! Сначала ты расскажи сказку! И тогда я выпью отвар!

Малышка резко мотнула головой, насупилась и уставилась на отца, игриво испытывая его терпение на прочность.

Все движения мужчины были размерены, словно отрепетированы. Он открыл крышку большого синего сундука, облагороженного узором из скрученной металлической проволоки, приподнял слои из нескольких книг и спального убранства, достал из него жестяную банку с затертым названием «АКБА...» и вернул крышку в исходное положение. Рукой он загреб кучку ароматно пахнущей травы, которую закинул в стакан, затем подошел с пустым графином к казану и, зачерпнув в него воды, вернулся обратно к столу, чтобы заварить ее.

– А знаешь, что еще делал твой дедушка, если я не слушался его?

– Что?

Стоило девочке задать этот вопрос, как вся заторможенность мужских движений тут же рассеялась. В два шага преодолев пространство юрты, отец подошел к дочери, одернул одеяло, прикоснулся губами к ее впалому животу и принялся изо всех сил дуть в него, из-за чего по юрте разнеслись неприличные звуки.

Девочка громко захохотала, и ее смех зазвенел в ушах обоих. Она пыталась отгородиться от отца собственными руками, но ничего не получалось. Набрав в легкие очередную порцию воздуха, мужчина надул щеки, округлил глаза и задул в детский животик с удвоенной силой.

– Хорошо-хорошо, я выпью! Только перестань!

Малышка долго не могла справиться со смехом, даже когда отец перестал дурачиться и с улыбкой смотрел на нее. Она как две капли воды была похожа на свою мать. Те же светлые волосы, те же большие изумруды в глазах, маленький носик и потрясающая улыбка – нестандартная внешность для их поселения, доставшаяся ей от вот уже несколько лет назад *ампутированной* болезнью части их теперь неполноценной семьи.

Конец смеху положил приступ кашля, безостановочно раздиравшего легкие девочки. Отец укрыл малышку одеялом, поправил подушку и в момент, когда она уже сотрясалась от спазмов, обнял ее. Последовав его примеру, она крепко вцепилась в отца, не желая отпускать этого родного и единственного человека, оставшегося рядом. Она всегда так делала, когда отец обнимал ее. И именно в этот момент, когда они были так близки, им особенно не хватало еще одного человека – мамы.

– Пап. А где сейчас мама?

Этот вопрос звучал из ее уст не в первый раз и уже приобрел некую обыденность. Вопрос вовсе не означал, что девочка не знала о том, что случилось с матерью. Она знала. Просто это давно превратилось для них обоих в особую игру.

Стоило Тагиру услышать этот вопрос Камили впервые, как волнение, казалось, атаковало со всех сторон, заставляя тело потеть, а мозг работать в лихорадочных поисках ответа, придумывая очередную сказку.

– Это сложно объяснить, сладкая. Мама... отправилась путешествовать... – в тот день фраза сама сорвалась с языка.

– Как путешествовать? Без нас?

– Да, но ради нас...

– Не понимаю...

Тагир немного подумал.

– Скажи красавица, тебе нравится здесь жить? Здесь, на станции?

– Когда мама была рядом, мне было все равно, а сейчас, конечно, как-то не очень. Когда была мама, с ней рядом красивым становилось все-все-все. И наша юрта, и станция, и даже

люди на станции становились красивее. А сейчас ничего. Неужели люди всегда так плохо жили? Разве можно жить в таком мире без мам?

Тагир еле сдержал подступающий к горлу ком и наворачивающиеся на глаза слезы.

– Ты права, красавица моя, не всегда. Просто однажды настало время, когда действительно хороших мест осталось очень-очень мало. Практически совсем не осталось. И сейчас мама где-то там, далеко-далеко, ищет для нас какое-нибудь очень хорошенькое местечко.

– А что это за места?

– О, это самые невероятные места. Бесконечные берега, небо над которыми переливается тысячами цветов, которых мы еще даже не видели. Или воздушные города, которые построены прямо на облаках. На облаках, представляешь? Но особенным местом нам с мамой кажется Ванильная пустыня.

– Ванильная пустыня? – глаза малышки загорелись.

– Да. На самом деле, это не совсем пустыня. Это такое место, в котором можно выдумать все, что захочешь!

– И даже нормальную кровать?

Тагир засмеялся.

– О, там можно придумать тысячи самых разнообразных кроватей! Большие, маленькие, мягкие, жесткие, вот такой ширины, – Тагир вытянул руки в сторону во всю длину, – и вот такой высоты! Но там есть не только кровати, там можно придумать все, что угодно!

– Здорово! А откуда ты все это знаешь?

– Твоя мама показывала мне все это во сне.

– А почему она не делает так со мной?

– Делает, любимая. Конечно, делает. Все то необычное, что ты видишь во снах, посылает тебе мама.

– Как грустно. Обычно я ничего не помню, когда просыпаюсь.

– Настанет время, и мы с тобой обязательно отправимся следом за ней. И обязательно посетим эту Ванильную пустыню. И тогда я придумаю для тебя и твоей мамы тысячи самых прекрасных одежд! И вы будете менять их каждый день, и радовать меня своей красотой. А ты что придумаешь?

– А я... – Девочка задумалась над тем, чего бы ей больше всего хотелось. – Я придумаю там самое лучшее в мире место, из которого маме не нужно будет больше уезжать, чтобы что-то искать.

– Я согласен, – заулыбался Тагир.

– А когда мы туда отправимся? – неожиданно осознала девочка новую возможность – возможность путешествия.

– О-о-о! – протянул отец, чтобы раньше времени не разрушить выдуманную на пустом месте идиллию. – Сначала нам предстоит сделать очень многое здесь.

– Что, например?

– Как, что? Вылечить тебя, вырастить всех баранов, помочь разным людям. Тут о-го-го сколько дел! Мама-то их уже выполнила.

– Как же я соскучилась по ней! Надеюсь, мы скоро увидимся...

Вот и сегодня Камиля задала этот вопрос и ждала на него очередного ответа, чтобы узнать, какое место на этот раз посетила мама. С каждым разом Тагиру все сложнее было придумывать новые места, но он еще ни разу не повторялся. Это были и сказочные леса, и необыкновенные города, и самые дальние края галактик, побывав в которых, мама обязательно возвращалась в Ванильную пустыню.

– Мне кажется, что сегодня она в нашем любимом месте, красавица.

– Я почему-то тоже так подумала, – прохрипела девочка и прикрыла глаза. – Вот бы сегодня она мне приснилась!

Кашель девочки наконец-то прекратился, и в юрте стало совсем тихо.

– А ты знаешь, что мне недавно рассказал дядя Хасан? – мужчина решил заполнить пустоту своими словами.

– Что? – глаза девочки загорелись интересом. Они всегда быстро загорались, когда речь заходила о новой истории, рассказанной дядей Хасаном.

– Что в лесу, где нам собирают травы, новый чудик появился!

Чудиками дочь мужчины называла мутантов, о которых то и дело рассказывали мусавиры, приходившие на станцию. Но чаще всех это делал дядя Хасан – главный сказочник Авиастроительной...

– Правда?

– Правда!

– Расскажи, – полушепотом произнесла девочка.

– Хорошо, – еще тише, чем она, прошептал мужчина. – Ты слышала что-нибудь о Шурале?

– Читала в дедушкиных дневниках, а что с ним?

– Да? – удивился мужчина. – Надо мне тоже эти дневники почитать. В общем, как сказал дядя Хасан, этот чудик поинтереснее многих будет!

– Это почему же еще? – не унималась теперь малышка, которая уже удобно расположилась в своей импровизированной кровати, чтобы услышать новую сказку от отца.

– А потому что он не съедает людей, а щекочет их!

– Щекочет? – удивлено протянула Камиля, округлив глаза и быстро оглянувшись по сторонам, убедившись, что за ними никто не наблюдал.

– Да! Да так, что люди от смеха помирают!..

* * *

– Так, что, Латика жива?

Сидя по-турецки и соединив ступни так, что обе ноги образовали равномерный ромб, султан пытался справиться с тишиной, позволяя своим мыслям странствовать там, куда сам он отправиться не мог. Вместе с возбуждением грудь старика окутал и сухой кашель, который уже в тесном объятии белого дыма и красных капель крови вырывался изо рта на зеленый платок. Трубка шиши змейкой свернулась у ног, в точности повторяя узор зеленого ворсистого ковра.

Муха, стоявший в дальней части покоев, быстро налил чая в пиалу, расписанную синими линиями в золотом обрамлении, а тец старался не делать лишних движений – сейчас бездействие казалось ему более безопасным, чем какое-либо действие. Больше всего ему хотелось отмотать время назад, отказаться от всех кристаллов меда, предложенных ему за услуги, вернуться на свою станцию и никогда больше не держать эту красную тетрадь в руках. А потом ему вдруг стало страшно за себя, потому что люди, которые владеют такой информацией, долго не живут...

После нескольких больших глотков губы султана Марата оторвались от краев пиалы. Расслабившись, он смиренно перевел взгляд на племянника.

Старуха, все это время сидевшая не шелохнувшись, наклонилась вперед и, как по указке, аккуратно сложила свои руки на ногах, монотонно покачиваясь в ожидании продолжения. Вернув пиалу и испачканный зеленый платок хранителю, султан запустил свободную руку в карман мантии, а другой снова поднял трубку, приковав внимание к себе:

– Поверить не могу. Разве такое возможно?

– Улым, человек, который писал это, мог выдумать такие страшные вещи?

Любопытство старой бабки не могло не поражать. Пережив не одно поколение, она стала свидетельницей и восхода человечества, и его заката, но ей все еще было интересно, что творится в этом непростом мире.

– Я не знаю... Я правда не знаю. Мне всегда казалось, что слухи о семерых наемниках – лишь выдумка, легенда для наших детей, чтобы те не совались, куда не следует. За несколько дней до случившегося я навещал хана гарибов, но ни о каких своих волнениях и конфликтах он не рассказывал. Поэтому, когда до нас дошли известия о произошедшем, все сошлись на том, что их погубили либо твари с поверхности, либо те, кто жил за Аметьево.

Старуха аж подскочила на месте. Все, что было связано со станциями, находившимися за Аметьево, могло пощекотать нервы любому, даже опытному гаскарцу. А уж бабушке, практически не выбирающей с Яшьлека, и подавно.

Горки, Проспект Победы, Дубравная – вот тот список станций, о которых люди могли только догадываться или узнать что-то мало правдоподобное от мусафиров. Уже несколько лет Аметьево значилась на картах как «непересекаемая станция, попадающая под управление султаната». А это означало, что, если за Аметьево кто-то и живет, – то у этих людей свои законы, свои правила, своя добыча. И султанат для них – точно такая же возможность для наживы, как и поверхность.

– *Баттаиц, улым*, ты что говоришь?! – с легкой ноткой нервозности возопила бабушка, которая до этого момента держалась весьма спокойно. – Что ты делал на Аметьево?!

Напряжение в покоях султана усилилось. Никто не разговаривал и не улыбался. Все ждали ответа султана, который почему-то виновато смотрел на своего племянника.

– Я не уверен, что хочу отвечать на этот вопрос.

– Значит, *улым!* Слушай мене туда, а-ам? – тихо, но настойчиво начала старуха. – Кто-нибудь должен рассказать мне все, от начала и до конца. Вы же мене не просто так нашли? Хотели что-то услышать, чтобы я вам камушки раскидала, посмотрела, что-как-чего. А-ам? Люди не ломаются ко мне через все метро, ни свет ни заря, чтобы просто помолчать. Один, вон, приходил, говорил: «*Эби*¹³, расскажи то» – я рассказывала. Второй приходил, говорил: «*Эби*, расскажи это» – я рассказала. Но обманывать меня никто не приходил, а-ам? Так что, либо вы рассказываете все как есть, либо я иду спать! Будь вы хоть все тут трижды султанами, а-ам?

– Мальчик мой, – султан посмотрел на Тимура. – Это связано с твоей матерью. Может, ты прогуляешься пока?

Марат ждал ответа, испытывая неловкость.

– Ничего, дядя, – проговорил, наконец, Тимур, смиренно кивнув. – Все нормально. Продолжай.

Султан глубоко вздохнул, оглядел покои, словно в последний раз, и перескочил взглядом сначала на старуху, а затем на свои дряблые руки. Его голос задрожал:

– Я старый человек и повидал в этой жизни больше, чем кто-либо из моих людей. И если меня ждет смерть, значит, такова воля Всевышнего. Но я не смогу успокоиться, пока не узнаю все. – Султан потянулся руками к своей шее. – Несколько недель назад мусафиры наткнулись в лесах на мертвого гарибана...

Старуха выпучила глаза.

– Понимаю-понимаю. Я тоже был уверен, что никого из них нет в живых. Возможно, он и был последним. Так или иначе, это не важно. Когда мои люди обыскали его, они нашли у него красную тетрадь и вот это...

Дотронувшись трясущимися дряблыми пальцами до своей груди, султан вытянул из-под ворота своей рубахи подвеску с серебряным кулоном. Старуха привстала с места, опираясь на

¹³ Бабушка (тат.).

скрюченные ноги, осторожно взяла кулон и, все еще находясь в сгорбленной позе, принялась внимательно рассматривать его. В серебряном тиснении был изображен знакомый символ.

– Знаете, что это? – указал своим пальцем на вещицу султан.

– Герб?

Крылатое животное, изображенное на кулоне, было знакомо каждому жителю этого города еще со времен былой жизни – Белый Барс, перекочевавший с герба некогда великой республики на именной герб теперь существующего Султаната.

– Все правильно, но конкретно этот кулон принадлежал близкому мне человеку – моей сестре.

– Ай-ай-ай! – покачала головой старуха, не отрывая взгляда от серебряной драгоценности, которая яркими бликами отражалась в ее глазах. – Как же твоя сестра, *улым*, на поверхности оказалась?

– А вот это я хотел бы узнать у вас, – смутился султан. – В последний раз я видел этот кулон несколько лет назад на шее своей сестры. В тот день он должен был перейти как дар ее ребенку... на станции Аметьево...

И тут старуха округлила глаза, высунула язык, прикусила его деснами и сразу прикрыла рот рукой, словно постеснявшись того выражения, которое неосознанно приняло ее лицо.

– Подожди-ка, *улым*. Ты, что же, хочешь сказать, что выгнал свою сестру на Аметьево? *Бедбехет*¹⁴, она что, была заражена?

– Так было нужно, – спокойно ответил султан, сжав зубы.

– Дядя, можешь не отвечать, – заступился за него Тимур.

– Помолчи, *улым*, а-ам? – погрозила старуха указательным пальцем. – Я хочу услышать это от нашего султана! Человека, который является главой! Который отвечает за нас! Что ж ты за человек-то такой, а?

– Люди бы не поняли меня! Поверьте, я сделал все, чтобы эта станция была безопасна для ее проживания!

– Ай, значит, правда! – старуха демонстративно схватила за чахлую грудь.

– Моя сестра, моя красавица сестра. Думаете, я не хотел ее спасти? Лучшие лекари султаната работали над тем, чтобы скрыть поражения на ее коже. Но все попытки были тщетны. Язвы на ее теле разрастались с такой скоростью, что скрывать процесс мутации было невозможно. Она сама виновата! Нужно было меньше общаться с прокаженными! Прости...

Султан оглянулся на племянника – тот сосредоточенно нахмурился, но обсуждать сказанное не собирался, ожидая продолжения.

– Я не хотел бы ее винить. Это все из-за мужа, моего зятя. Он был хорошим мусафиром. Даже слишком хорошим. Это его и сгубило – забрел в какую-то местность, где хватил безумную дозу радиации. Не знаю, что это было, но он сошел с ума быстрее, чем его тело... ну, вы понимаете. Она проводила с ним дни и ночи, ухаживала, сколько могла. – Султан глотнул чая. – А в один день он просто исчез. Никто не знает, что с ним стало. Поговаривают, что ушел на поверхность. Лилия чувствовала себя виноватой и поэтому принялась ухаживать за другими прокаженными. Бедняжка надеялась, что от этого ей полегчает. Я говорил ей, чтобы она больше времени посвящала Тимуру, но... Я не в силах этого объяснить. Чужая душа – потемки. Мои люди вывезли ее на Аметьево, а Тимурка остался со мной. С предводителем гарибов мы условились, что я дам ему все, что необходимо, лишь бы она проводила время на их станции в комфортных условиях. И конечно, он согласился. Еженедельно десять моих мусафиров под предлогом выхода на поверхность переправляли на их станцию всевозможное продовольствие. А когда я узнал, что у нее родился ребенок, который, к тому же, внешне выглядел абсолютно

¹⁴ Негодяй (таг.).

нормальным, то отправился туда сам. Ведь это могло бы решить проблему с законом, который я сам же и принял...

– «О выселении прокаженных», – вставил Тимур, чтобы старухе было понятно, о каком законе идет речь.

Закон «О выселении прокаженных» был известен любому человеку в каждом закоулке такого, на первый взгляд, совершенного поселения, как Султанат. Он был выдвинут Маратом Султановичем за несколько лет до событий на Аметьево и за пару месяцев до того, как сообщество из нескольких станций признало себя Султанатом, и основная часть жителей поддержала его. Остальные же поселенцы, основу которых составляли и сами зараженные, и их родственники, подняли бунт. Словно сошедшие с ума, прокаженные избивали до полусмерти каждого, кто хоть как-то заикался об этом законе, пока он находился на рассмотрении, тем самым подписав себе приговор на бессрочное выселение на Аметьево. Вражда, вспыхнувшая между бывшими друзьями, соседями и даже родственниками, стала главным аргументом в принятии решения о вступлении закона в силу, под которым подписались все управляющие станциями, вошедшие впоследствии в Султанат. Суконная слобода, Площадь Тукая, Кремлевская, Козья слобода, Яшьлек, Северный вокзал и Авиастроительная – под каждым названием станции управляющие этих сообществ ставили свою подпись, обрекая зараженных на жалкое существование. Так Аметьево стало отдельным государством, которое, тем не менее, все еще существовало в рамках закона Султаната. Названные в скором времени Гарибами – чужими – прокаженные принимали к себе на станцию всех, кто был отвергнут остальными. А за это они получали продовольствие и одежду, находясь под своеобразной опекой.

Была у этого закона и другая обратная сторона, не менее страшная, чем первая. Часть жителей, благополучно существовавших и живших на станциях за Аметьево, оказались теперь отрезаны от основной части метро. Если до этого жители Горок, Проспекта Победы и Дубравной на свой страх и риск еще как-то пересекали Аметьево, то после принятия закона озлобленные на мир гарибы всеми правдами и неправдами пресекали попытки пройти через их станцию. А в образовавшемся Султанате никто особенно не задавался вопросами, почему жители зааметьевских станций перестали их посещать. «Меньше народу – больше кислороду», – говорили старожилы своим детям, чтобы те не задавали лишних вопросов, тем самым закладывая в их головы мысль, что других станций, кроме Султаната, более не существует. Теперь же, когда сообщество гарибов и вовсе было стерто с лица метро, станцию Аметьево и близлежащие туннели со стороны Султаната заселило новое племя – Бал¹⁵, которое приносило весомые вклады в статью доходов этого совершенного государства...

– Как вы понимаете, я оказался заложником собственных действий, поскольку закон был принят до того, как моя сестра... поменялась. И я поплатился за это сполна. Людям сложно было вдолбить в их пустые головы, что общение с мутантами не так опасно, как им... как нам казалось! Но они требовали этого! Ребенок сестры, Латика, должна была стать доказательством того, что у гарибов тоже рождаются нормальные дети. Навестив сестру в день рождения дочери, я пообещал, что все исправлю и мы вновь откроем границы между станциями. Но через пару дней после моего возвращения, мусафиры сообщили о том, что станция Аметьево была разорена... и моя... сестра... Все, что было на станции, сгорело. С другой стороны, тело ребенка мы не нашли, и это вселило в меня надежду. Первое время выходы на поверхность проводились ежедневно. Но сами понимаете, подниматься туда, – султан поднял голову вверх, быстро посмотрев на потолок, – и искать потерянного ребенка, все равно, что искать иголку в стог сена, кишасщем змеями. Я имею в виду ту живность, что разгулялась на поверхности... Круг поисков, конечно, расширился, но из десяти мусафиров возвращались только семь или

¹⁵ Мед (тат.).

восемь. Из-за возмущения жителей, вылазки сократились до одного раза в неделю, но так и не дали никаких результатов. Через месяц я смирился...

Слезы ручьем потекли по лицу султана. Он приложил руку к щеке и прикрыл дрожащие губы. Несколько мгновений, пока султан собирался с силами, все молчали в ожидании и даже не шевелились. Все, кроме старухи, которая встала перед ним на колени и вложила в руки господина серебряный кулон.

– Хотел бы ты знать наверняка, жива она или нет?

Султан шмыгнул носом и возбужденно закивал.

Обнажив в улыбке беззубый рот, говорящая с джиннами медленно коснулась его лба и правой щеки своими костлявыми пальцами, и произнесла:

– Тогда, слушай ее...

И в ушах султана отчетливо зазвенел звонкий, залиvistый, ни на что не похожий смех ребенка.

* * *

– Пап, а как ты думаешь, Шурале действительно существует? Может, дядя Хасан все придумал? Он же много чего придумывает. Мог и приврать!

Отец быстро догадался, какой именно ответ интересовал его малышку, поскольку засыпать с мыслями о том, что какой-то чудик бродил по поверхности, было наверняка страшновато.

– Знаешь, красавица моя, этот дядя Хасан и в самом деле придумывает порой такое, что даже у меня мурашки по коже бегут. Но один пастух рассказывал мне, что его жена в лесу начала ТАК громко смеяться, что чуть не описалась.

Девочка захихикала, услышав последнее слово, а мужчина продолжил сочинять новую историю на ходу.

– Он-то подумал, что она над его лысиной смеется. Но даже когда шапку надел, та все равно не останавливалась. Тогда пастух крикнул ей: «Слышь, жена! Хватит ржать!». А она – ни в какую, все продолжала смеяться! Он снова ей закричал: «Сейчас оставлю тебя здесь!» А она все равно продолжала. Тогда в третий раз пастух пригрозил своей жене: «Ща как дам по лбу! Вот такой шишак у тебя будет!» – и хрясь ей по башке!

Мужчина рубанул рукой по воздуху и малышка захохотала в голос:

– Что-то не верится!

– Так! Кто здесь сказку рассказывает, ты или я? Или соскучилась по еще одной порции щекотки?

– Нет-нет, продолжай!

Быстро представив как щекотливые мурашки разбегаются по ее телу, девочка на всякий случай прикрыла руками живот, а отец, понимая, что теперь у него есть козырь в рукаве – незаконченная история, – схватил пиалу с отваром со стола.

– Все свое время, малышка. И сейчас как раз пришло время ароматного...

– Ага, вонючего...

– Вкуснейшего...

– Отвратительнейшего...

– Полезного!

– Но, зато, невкусного!

– Отвара!

– А обязательно делать это сейчас? На самом интересном месте? – Малышка аж подскочила от возмущения, высунув из-под одеяла тонкие ножки, облаченные в розовые выцветшие рифлёные колготки и пару серых шерстяных носков.

– Ну, ты же хочешь услышать продолжение?

Отец присел рядом, протянул дочке горячую пиалу, завернутую в полотенце, и девочка молча отпивала из нее по малюсенькому глоточку, морщась так, словно отвар был самой невкусной жидкостью во Вселенной.

– Ну, продолжай, пап! Я же уже пью!

Мужчина рассмеялся:

– Хорошо, хорошо. Так вот, «хрясь!» пастуху тоже особо не помог. Наоборот, теперь жена на него пальцем показывала и еще больше смеялась. Тогда он пошел на крайние меры и попытался заткнуть ее рот своей рукой! А жена, как ошалелая, словно ею шайтан управлял, взяла да и укусила его! Эх, знала бы ты, какие слова посыпались из его рта...

– Какие слова? – любопытствовала девочка.

– Хм, – мужчина запнулся на долю секунды. – Не самые хорошие.

– Это что-то из той серии, когда тебе баран на ногу наступает?

– А ты откуда знаешь, что я говорю, когда баран на ногу наступает? – не стал скрывать своего удивления отец.

– Дядя Хасан рассказывал...

– Ох, я этому дяде Хасану на кое-что другое наступлю! Пусть только вернется! Нет, на самом деле, пастух громко закричал имя своей жены!

– А как ее звали?

– Ммм, как тебе – Фердуля?

Девочка рассмеялась так, что ее заразительный гогот слышали даже снаружи.

– Пап! Ты же только сейчас это придумал! Нет такого имени!

– Ну, потому что я не знаю! Твой дядя же не все мне рассказывает!

– Хорошо, пап. Давай дальше. Мне все равно нравится.

– В общем, сам того не понимая, пастух с крика неожиданно переключился на смех. Так смешно ему стало, что жена его укусила. И только в тот момент он понял, почему жена смеялась – это злой Шурале с ними забавлялся! В общем, – как только отец увидел, что девочка допила отвар, он быстро подвел сказку к концу, – так и стояли они друг напротив друга и смеялись, пока оба не лопнули. А смех их до сих пор можно услышать, если в лесу гулять...

В этот момент в юрте раздался громкий гогот, от которого вздрогнули оба – и отец, и девочка. Знакомое лицо улыбчивого гаскарца без особой застенчивости маячило в проходе.

– Тагир, ты все сказки травишь? Тебя Мансур зовет, – гаскарец посмотрел на девочку и улыбнулся ей. – Привет, Камилюш. И что же ты такого сделала, что отец тебя так мучает?

– Выпила лекарство, – девочка кратко улыбнулась и внезапно снова зашлась в кашле.

Мужчина подскочил к дочери и бросил колкую фразу в сторону гаскарца:

– Тебя просили лезть? Подожди снаружи, я сейчас выйду!

Отец достал из кармана платок и дал его девочке. Та прикрыла рот и, прокашлявшись, снова вернула его отцу. Тагир был обеспокоен тем, что увидел – капли крови уже впитались в серую ткань.

– Как ты себя чувствуешь?

– Нормально, только в груди...

Девочку охватил второй приступ. Ее лицо скривилось в ужасе – она практически не могла дышать. Еще через секунду хрупкое тело обмякло, скатилось по матрасам и рухнуло на пол.

– Камиля! Камиля! – Мужчина схватил дочь на руки и выбежал из юрты!

К вечеру станция практически опустела, поэтому он без лишних препятствий добежал до шатра лекаря, не обращая внимания на гаскарца, бегущего за ним.

Железные кастрюли с грохотом разлетелись по шатру лекаря, когда в него вбежал Тагир:

– Ильдар! Опять! Началось!

Раскосый мужчина сначала прищурился, а затем как ошпаренный взлетел со своего спального места. Он надел очки, висевшие на его шее, и тут же бросился к полкам с огромным количеством колбочек и стеклянных баночек. Достав одну из них с самой верхней полки, он высыпал на руку несколько черных шариков и подбежал к Тагиру, державшему на руках обмякшую девочку.

– Клади ее на кушетку!

Мужчина сделал, как ему велели, а лекарь приложил черные шарики к ноздрям девочки. Глаза заслезились у всех четверых – резкий запах того, что наготовил Ильдар, мог привести в чувства даже мертвого, поэтому гаскарец, еще какое-то время проявлявший интерес к случившемуся, исчез из шатра лекаря.

Камиля захрипела. Ее глаза открылись, и очередной приступ кашля вырвался на свободу из ее легких, разбрызгивая капли крови на одежду. Впрочем, скоро девочка успокоилась, вдыхая воздух настолько, насколько это было возможно. Ильдар побежал к столу, налил из чайника отвара и поднес малышке. Та сделала несколько глотков и затем полностью расслабилась. Лекарь выдохнул и поправил очки.

– Успели...

– Ильдар, что мне делать? Так же не будет продолжаться вечно? Однажды твои шарики закончатся, а с ними закончится и моя жизнь!

Тагир не хотел даже думать о том, что может произойти с его дочерью, поэтому всячески избегал всего дурного в своих выражениях.

– Увы, Тагир, без особых медикаментов я ничего с этим поделывать не могу.

– И ты так спокойно об этом говоришь? Должно же быть другое средство! Почему никто ничего до сих пор не придумал?!

– Тагир, я даже не знаю, с чем это связано! Несколько лет назад я и представить себе не мог подобных приступов. Да, кто-то кашлял, кого-то с головой накрывало жаром. Но с каждым годом эта болезнь стала проявляться все чаще и чаще!

– И сколько Камиля еще сможет продержаться?

– Последний раз с таким кашлем человек прожил несколько месяцев, и ты сам знаешь, кто это был. Но, в отличие от твоей жены, твоя дочь еще совсем мала, и я не могу сказать, как долго ее организм будет бороться с болезнью. Месяц, два? Я не знаю!

– Проклятье! – Тагир попытался успокоиться и замкнуть всю злость, обращенную к этой болезни, в себе. – Ладно, спасибо, Ильдар. Я знаю, ты делаешь все, что можешь.

Он подошел к столу, бросил в остывшую воду кристалл меда и выпил ее.

– Присмотри за ней, пожалуйста. Я сейчас вернусь.

* * *

Она постоянно что-то напевала и насвистывала, а затем вдруг произнесла:

– Джинны играют с тобой, *улым...*

Фраза пробилась в сознание Тимура, который вот уже около получаса сидел на той самой скамье, на которой все это время сидела и старая бабушка. Погруженный в свои мысли, он и не помнил толком, почему пришел и сел именно сюда, когда вполне мог остаться наедине с самим собой в своей юрте.

– *Нэрсэ, эби?*¹⁶

– Когда их слишком много спрашиваешь о чем-то, они начинают выдумывать и делают это, чтобы обмануть тебя! *Айе-Айе.*

– Кто хочет меня обмануть?

¹⁶ Что, бабушка? (тат.)

– Джинны, *улым*, джинны.

В ее широко раскрытых глазах блеснуло что-то загадочное.

– По сравнению с джиннами мы всего лишь крохотные муравьи. И, по большому счету, многим из нас наплевать на джиннов, так же, как и муравьям наплевать на людей. Но представь, что ты отбился от стаи, заблудился, потерялся в жизни. И, вместо того, чтобы копошиться в своем муравейнике, тебе приходится искать.

– Что искать? – спросил Тимур.

– Новый дом, новых друзей, новую истину – у каждого муравья свои заботы. Теперь, представь, что он ползет по бескрайнему полю, а куда ползет – не знает. И тогда он обращается к тебе за помощью. Для муравья ты с твоими возможностями подобен богу, хотя таковым и не являешься. Ты можешь сказать ему, где находится муравейник, или указать на сад, где полно нектара, ты можешь поднять его на руку, и это покажется ему чудом. А еще ты можешь раздавить его ногой. От чего зависит этот выбор?

– Не знаю. – Тимур задумался. – От того, хороший человек или плохой?

– *Айе-Айе*, – закивала бабушка. Вот и джинн может быть либо хороший, либо плохой. Так что лучше слушать не их, а свое сердце. И искать истину самому.

Старуха затряслась и засипела – так она смеялась.

– Да, но муравьи ни о чем нас не просят. Мы сами решаем, помочь нам или нет.

Бабушка прищурилась и постучала указательным пальцем по лбу Тимура:

– А кто тебе сказал, *улым*, что ты сам решил пообщаться с джинном?

– Зухра! – беседу со странной бабушкой прервал голос появившейся говорящей с джиннами. – Что ты тут делаешь? Я же просила тебя не выходить из юрты! А *бабай*¹⁷ где?

– Дык, кто ж знает, где этого старого черти носят? – бабушка энергично пожала плечами и посмотрела куда-то в сторону, словно недавнего разговора между ней и Тимуром и вовсе не было.

– Не слушай мою сестру, *улым*, – обратилась говорящая с джиннами к племяннику султана. – У нее иногда бывают заскоки. Идем, твой дядя готов. Попробуем узнать, где искать твою маму...

Тимур встал со скамьи, украдкой взглянул на бабушку Зухру, и та подмигнула в ответ.

Когда племянник султана вновь оказался в юрте, то в первую очередь заметил чтеца, про которого, видимо, забыли все, даже он сам. Он так и сидел в стороне, держа в руках красную тетрадь, и не двигался, словно предмет утвари.

У говорящей с джиннами все было готово.

На небольшой деревянный столик она выложила бархатный мешочек, и пока все рассаживались по своим местам, старуха высыпала содержимое свертка себе в ладони, начитывая что-то на смеси татарского и арабского в отверстие между ними и покачиваясь. Тимур признал в арабских предложениях некоторые сунны из Корана, а в татарских явно были заключены какие-то заклинания, возможно, придуманные самой старухой. Закончив наговор, она разъединила дряблые бледные ладони, и камни, словно послушные ее воле, разбежались по гладкой поверхности столика.

Старуха долго всматривалась в камни. Что конкретно она видела в их рисунке, никто не знал. Дрожащей рукой она передвигала один камень к другому, второй к третьему, а третий к первому. Все камни говорящая с джиннами разбила на три кучки и затем принялась рассматривать каждую отдельно.

¹⁷ Дедушка (тат.).

– Дай взглянуть мне за рамки границ, разбивая мирские заборы. Покажи мне всю правду страниц, кровь гарибов спеклась на которых. Дай мне глаз твоих правильный взор, дай прочесть письма на скрижали. Как узнать мне судебный узор, где ты сам, а не духи кричали?

Тимур молча разглядывал говорящую с джиннами несколько секунд, словно оценивая степень ее компетентности. А затем, произошло что-то странное. Под давлением пламени свечи тень, отбрасываемая от тела старухи на стену юрты, задрожала и склонила голову, хотя, сама старуха этого не делала.

Тимур отодвинулся назад и дотронулся до плеча дяди, чтобы обратить на это его внимание, но султан не шелохнулся. С ним что-то было не так. Глаза султана закатились в глазницах, обнажая белки. Сразу же после этого он медленно закрыл их обеими руками, приложив ладони к лицу, словно был под гипнозом.

– Эби, что происходит?

Тимур тщетно зывал к говорящей с джиннами, но та не отвечала, зажав руками уши. Племянник перевел взгляд на чтеца, и тот приложил ладонь к своему открытому рту. Глаза обоих так же закатились, и теперь головы всех трех теней были склонены, чего нельзя было сказать о присутствующих.

Тимуру стало дурно. Не хватало воздуха. Границы пространства юрты словно расширились, а затем сузились до размеров маленькой коробочки, в которой племянник султана чувствовал себя, как загнанный в ловушку муравей. Он уже хотел выйти из юрты, как говорящая с джиннами вдруг обратилась к нему.

Но голос был не ее...

– Сын Адама, примерь наши очи. И узри смесь затерянных судеб, под покровом сентябрьской ночи.

– Было что, – вымолвил вдруг султан.

– Что есть, – пробубнил чтец.

– И что будет, – захрипела старуха. – Смерть придется в самую пору, тем кто продал Дьяволу душу: семь людей, после смерти которых, успокоится жизнь, станет лучше.

– Пять ушли, – снова заговорил султан, все еще находившийся под гипнозом.

– Только двое остались, – это был чтец. – Непокорных, неправильных, грозных.

– Пастуху их проблемы достались, что считает детские слезы, – закончила очередное четверостишие старуха.

– Он ведет седоглавую стаю. Их вожак – одинокий и гордый. Он от смерти любого спасает. Друг зверей с человеческой мордой.

– Меч вложи в его правую руку.

– Ну а в левую – детское сердце. От Ак¹⁸ Барса, ставшего черным, никуда вам, увы, не деться... – скривились в ухмылке губы говорящей с джиннами, и пламя свечи потухло.

В юрте стало темно. Тимур глубоко дышал. Пот крупными каплями стекал по его лицу, пропитывая одежду. Когда кто-то коснулся его, племянник султана вскрикнул. В свете вновь вспыхнувшего пламени свечи, зажженной старухой от спички, Тимур увидел лицо дяди. Глаза его вновь стали нормальными.

– Тимур, все в порядке?

– Что это было?

– О чем ты? – озадачился султан.

– Только что. Голоса, стихи... тени...

– Ну-ка, повтори, что ты сказал? – встрепенулась говорящая с джиннами.

И Тимур тут же все выложил, как на духу. Всех стихов он не запомнил, но суть послания передал с достоверной точностью.

¹⁸ Ак (таг.) – белый.

– Ты уверен в том, что ты говоришь, *улым*? – поинтересовался султан у племянника.

– Дядя, я же не псих! – вспыхнул Тимур.

– Конечно-конечно, – успокоил он и тут же переключился на старуху. – И что это значит, *эби*?

– Не знаю, *улым*. Нечасто со мной такое бывает. Джинны – странные создания. У них свои правила. Но если хочешь свою девчонку найти, а-ам, нужно отыскать пастуха.

– И где же мы, интересно, его найдем? С тем же успехом нам можно было предложить найти и Латику! – все еще нервничал и срывался Тимур.

– Простите...

Голос чтеца прозвучал как гром в палатах. Все обратили внимание на человека, который все это время сидел в углу покоев господина.

– Что? – зашелся слюной Тимур.

– Кажется, я знаю, кто вам нужен...

* * *

Камиля была бледна и беззащитна настолько, что всякий лишний шорох причинял ей чуть ли не физическую боль. Тагиру совершенно не хотелось оставлять дочь, но смотреть на ее преждевременные муки не хотелось еще больше.

Из юрты Ильдара он вырывался на станцию Авиастроительная – одну из семи, принадлежавших султанату. Эта станция, как и три другие, – Северный вокзал, Яшьлек и Дубравная – последняя из тех, что успели возвести до Великой Беды. Грязно-голубые стены, устремляющиеся к светлому потолку, линейки из кремовых и черных плит, разбежавшихся по поверхности платформы, несколько вмонтированных в пол и уже обветшавших скамеек, на одной из которых, кстати, выступал Хасан, и ни единой колонны – вот какой она была станция, на которой Тагир провел уже столько лет. Жители как могли старались облагородить ее своими собственными силами. Хоть серо-голубые стены и уцелели, кое-где их все равно пришлось закрывать металлическими листами, когда-то принесенными с поверхности. «Полосатый» потолок станции был словно разделен на три зоны – две голубые по бокам и одна светлая по центру. Интересно, думал ли архитектор станции, что когда-нибудь Авиастроительная на несколько десятков лет приютит здесь людей, скрывающихся от последствий великой катастрофы? Наверное, нет...

Жилище Ильдара находилось на окраине станции, но до шатра Мансура – управляющего Авиастроительной, – нужно было пройти всего около пятидесяти метров.

«Не дай Бог, пережить это еще раз!»

Тагир утонул в своих мыслях, как в зыбучих песках. Но проявление слабости – ахиллево пята любого мужчины. Так говорил отец. Поэтому Тагир, перед тем как ворваться в шатер Мансура, натянул на лицо маску безразличия.

– Здравствуй, Мансур.

– Приветствую, Тагир. Чая хочешь? Да, поздоровайся с моим гостем.

Человек в военной форме, сокрытой под мантией, обернулся к пастуху.

Мансур явно был чем-то обеспокоен, но пытался скрыть это от Тагира. Мужчина поздоровался с так называемым гостем и опустился в старое кресло.

– Ты же позвал меня сюда не чаем баловаться. Что стряслось, Мансур?

– Значит, сразу к делу? – управляющий оставил в покое белый чайник, обтянутый синей кобальтовой сеткой, и присел на свое место. – Хорошо. Нашему другу нужна помощь. Точнее, она нужна султану, который, если ты еще не знал, уже несколько дней гостит на Яшьлеке. Но это – строго конфиденциально!

– Мансур, не смей меня! И для чего же это я понадобился нашему султану? И вообще, у султана столько людей в подчинении! Зачем им нужен такой деревенщина, как я? Или они настолько разжирили, что только и знают, как перекачываться от одного обеденного шатра к другому?

– Тагир, ты не понимаешь. Это не просьба, это приказ. Кроме того, твой друг Хасан ручался за тебя.

– Никого за меня ручаться я не просил. Даже Хасана. У меня дочь на один шаг приблизилась к небесам – сейчас она где-то в районе потолка нашей станции. – Тагир приподнял руку над головой, изображая, где примерно находится его дочь. – И поверь, у меня нет времени на то, чтобы выполнять какие-то там прихоти султана. Так что, извините, ничем не могу помочь...

Тагир бросил дерзкий взгляд на гостя Мансура, поднялся с кресла и направился к выходу.

– Мы щедро заплатим.

– Мне ничего не нужно.

– А по-моему, мне есть, что вам предложить. Я разговаривал с вашим лекарем. Что он вам сказал – нужны медикаменты? Вот...

Человек в мантии протянул Тагиру металлическую коробочку. Заинтересовавшись, мужчина снова вернулся в шатер. Он взял коробочку и открыл крышку. В сосуде лежали странные травянистые свертки.

– Что это? – Тагир принялся. – Я не собираюсь пичкать свою дочь неизвестно чем...

– Передайте это вашему лекарю. Я думаю, он поймет, что с этим делать. Мы владеем своими навыками, вы – своими. И сейчас они очень нам пригодятся...

– Хорошо. Но, вы же понимаете, что сначала мне нужно все проверить...

Незнакомец кивнул.

– Тогда, ждите моего ответа...

Тагир вышел из шатра, а мужчина в мантии проводил его довольной улыбкой.

По дороге к лекарю, Тагир постарался прикинуть, почему именно его выбрал султан, но достойных ответов на этот вопрос не было.

Едва войдя в юрту, он бросил коробочку Ильдару.

– Держи!

– Что это?

– Это я у тебя хотел спросить. Насколько я понимаю, это то, что должно спасти мою дочь. Завари, проверим. Только сначала я сам попробую...

– Думаешь, это отравы?

– Если я действительно настолько нужен султану, то нет. Но проверить стоит...

– Пап, – за несколько секунд девочка побледнела так, словно ее несколько дней кормили песком, – а чем закончилась сказка? Ты же сказал, что тебе ее пастух рассказал, значит, он не мог лопнуть и умереть?

Тагир подошел к дочери, приобнял ее и прошептал на ухо:

– Конечно, не мог, родная. Папа не допустит, чтобы кто-то в наших сказках умирал...

– Мне нравится... – ослабевшей рукой девочка попыталась прижать к себе отца, но не смогла этого сделать.

Некоторое время он разглядывал ее в приглушенном свете.

– Только бы подействовало! – пробормотал он.

Глава 2

Оскал кяльбов

Разнорабочие, уставшие пастухи, молодые гаскарцы и постовые были уже в своих юртах или по пути к ним, когда для Тагира все только начиналось. Он сидел на своем излюбленном месте – на краю платформы, возвышавшейся над загоном для баранов, и, свесив ноги, прислушивался к своему организму, пытаясь отследить в нем хоть какие-то последствия употребления отвара травяных свертков, которые ему вручил посланец султана.

Чпок-чпок.

Шерстяная голова молодого барана двигалась по определенной траектории из стороны в сторону.

Чпок-чпок.

Кучерявые существа, сбившиеся в кучу, пытались как можно глубже погрузиться в сон, но при этом были на какой-то своей волне настороженности. Все, кроме одного, что хлопал глазами, рассматривая беспокойное лицо Тагира.

– Что ты смотришь на меня, словно я твой брат? Вроде, не волосатый, не кудрявый. Ни бекаю, ни мекаю. Ну да, бородой малость оброс, но не нырять же мне теперь в ваше стадо?

Словно поняв, о чем говорил человек, неспящий баран уперся мелкими рогами в высокие ботинки Тагира и попытался вытеснить его ноги из пространства загона, но маленький рост этого не позволял.

– И давно ты с ними разговариваешь?

Тагир обернулся на голос. Его взгляд совершил долгий путь, заскользив по тяжелой мантии подошедшего.

– А кто сказал, что я с ними разговариваю? Просто сижу, жду, что меня с ваших трав пронесет. Но, вроде все нормально, можно дочери давать.

Тагир подвинулся, освобождая место непрошеному гостю, затем развязал мешочек, лежавший рядом и, достав из него несколько сухих корневищ какого-то подземного растения, бросил их барану.

– А даже если и так, лучше уж с ними, чем с людьми. В такой беседе я хотя бы могу выдумать ответ, который меня устраивает. Спрашиваешь его: «И что теперь делать?» – а он тебе мекает. Спрашиваешь: «А что тогда будет?» – и он бекает. А ты уж сам решай, что тебя больше устраивает.

– Хотел бы я попробовать, – усмехнулся посланник султана и присел рядом с Тагиром, который вложил несколько корней в его руку.

– А что тебе мешает? Это у себя на станции делай, что положено. А в нашей деревне ты – гость. Вот и делай то, что здесь можно.

Взглянув на Тагира с некоторой симпатией, путник принял от него корни странного растения и протянул руку с лакомством барану.

– Ну, скажи мне, баран, что меня ждет?

Тот попятился. Сделав несколько шагов, он остановился, тупо уставился на протянутую руку и наложил кучу. Звонкий смех вырвался из уст обоих мужчин и разбудил нескольких развалившихся в стойле овец, которые тут же вскочили на ноги, толкаясь и напирая друг на друга.

– О-о-о, огребешь ты, дружище, по полной! Не волнуйся, у нас в деревне говорят, что дерьмо всегда к богатству.

– То-то я смотрю, ты золотыми кучами прям завален! – путник обвел рукой огражденное пространство, в котором находились бараны, а затем протянул ее Тагиру. – Тимур.

– Тагир, – мужчина ответил рукопожатием.

– А ты не такой, как я ожидал. Отличаешься от других деревенских.

– Такой, такой. Ты просто меня еще не знаешь... Кстати, ты чего не спишь? Если моей дочери станет лучше, значит, утром выдвинемся. Я разве говорил что-нибудь типа «все будет раз плюнуть», или «все будет пучком», или «не парься, парень, я согласен», или...

– Я понял. Нет, – племянник султана улыбнулся и мотнул головой. – Просто как-то неуютно засыпать на чужой станции.

– Знаешь, что в таких случаях говорить надо? Я сплю на новом месте, жениху приснишь невеста.

– Да я смотрю, у тебя большой опыт в убаюкивании. Небось, еще посоветуешь овец посчитать?

Тимур взял у Тагира мешочек с корнями и бросил несколько все бродившему по загону барану.

– Когда у тебя по юрте носится дочь-сорвиголова, постоянно сующая нос не в свои дела, еще и не такое скажешь.

– Ну, а когда тебе через раз мутанты снятся, вряд ли такое захочется говорить – вдруг еще жениться придется?

Оба снова рассмеялись.

– А если ты деревенских боишься, – Тагир попробовал корень, который держал в руке, сморщился и сплюнул, – и как они только едят это... то зря. Я на многих станциях побывал и ни разу не видел людей правильнее, чем они. Мне кажется, пусть хоть дюжина мутантов придет, разговор у них один: хороший мутант – иди мыться да чай пить. Плохой мутант – ступай своей дорогой, пока палкой по башке не получил. Ты можешь представить себе, что голодная тварь, спустившаяся с поверхности, получает палкой по башке, а затем с виноватым видом уползает обратно? Нет? А я могу. Каждый день вижу, как дед Афлях крыс гоняет. Но самое главное, знаешь, что? Те, кто покинул эту станцию и живут, возможно, в более цивилизованных условиях, все равно относятся к своим не как к «особенным». – Тагир покрутил правой рукой у виска. – А как к людям, с которыми им придется прожить остаток дней. Ведь каждый из них мечтает в итоге снова вернуться в свой *авыл*.

Тагир был прав. Еще для той, надземной Казани, деревенским было свойственно легкое и простое отношение к жизни. В их менталитете тогда (как и у людей с Авиастроительной, коих считали деревенскими, сейчас) было заложено какое-то упрощение мировых событий. Если умный человек еще задумался бы над тем, война – это хорошо или плохо, то деревенский человек однозначно бы сказал, что плохо. Ведь война – это всегда плохо. На протяжении многих лет Казани удавалось добиваться золотой середины между отношениями деревенских и городских, ведь даже самый устоявшийся горожанин, чей род прожил в городской черте не одно поколение, все равно знал, из какой он деревни и какого района.

Теперь эта обязанность была возложена на Казанский метрополитен. Конечно, называть станционную коробку, закопанную под землю, деревней было сложно, поэтому жители называли свою станцию не Авиастроительной, а *авыл*, чтобы помнить о своих корнях, ведь с татарского *авыл* так и переводилось – «деревня».

Жизнь в *авыле*¹⁹ крутилась на своих проржавевших шестеренках, отличаясь своей простотой от более обеспеченных станций. Главой здесь реально был не управляющий, а народ. Разношерстное, на первый взгляд, сообщество людей основную часть времени достаточно хаотично разбиралось со своими частными делами. Но как только дело доходило до сложной ситуации, затрагивавшей хотя бы одного участника этого сколоченного из людей сообщества, никому было не наплевать. Если кто-то из жителей станции умирал, образовавшуюся рану на

¹⁹ Авыл (тат.) – деревня, село, селение, аул.

теле сообщества *зализывали* всей гурьбой. Праздничные события, будь то чей-то день рождения или что-то еще, тоже отмечали всей станцией. Это был один слаженный механизм, который зачастую, благодаря лишь инстинктам, принимал верные решения, причем как позитивные, так и не очень.

На памяти самого Тагира был случай, который он не сразу воспринял правильно. Он тогда только-только заехал на станцию со своей семьей...

Зимнее время – самый сложный период для всех станций. Но для Авиастроительной зима – это двойное испытание. Очень часто корма, заготовленного для баранов весной, не хватало на весь период. Поэтому одним жителям станции приходилось забивать голодных баранов и распределять мясо на оставшийся период, а другим подниматься на поверхность в поисках хоть какой-то пищи. На поверхность деревенские поднимались целыми семьями, надеясь в основном на себя и на помощь Всевышнего. Какие-то семьи возвращались, а какие-то нет, жертвуя собой ради жизни станции. Из одной такой вылазки одна из семей вернулась не в полном составе.

Тагир хорошо помнил тот день. Его семью уже расселили в свободной юрте и назначили в группу, которая занималась заготовкой мяса. Он резал баранов быстро, технично, чтобы те не мучились, за что и получил одобрение от новых соплеменников. И вот в тот момент, когда он разделял очередную тушу, на станции поднялся крик.

Взобравшись на платформу, Тагир увидел, что деревенские окружили нескольких людей. Втиснувшись в балаболящую толпу, он разглядел женщину. На ней не было лица. Ее конечности были обморожены, о чем красноречиво говорили до иссиня-черные пальцы на руках и ногах. Несчастная сжимала тонкую веревку, которая изрезала ее ладони, покрыв их коркой замерзшей крови. Тагир проследил за концом веревки, привязанной к самодельным санкам. На них возлежали два тела: взрослого мужчины и ребенка. Должно быть, то были ее муж и сын. Мальчик уже умер – об этом говорила его побледневшая кожа и остекленевшие глаза, которые до сих пор были открыты, – а вот мужчина был еще жив. Однако он явно был не в состоянии не только пошевелиться, но и даже издать звук, и безвольно свесился с края санок.

Сначала жители станции предположили, что на семью напал неизвестный доселе монстр. Но единственным монстром в этой истории оказался муж женщины, который распластался на санках. Он был мертвецки пьян. Как оказалось, на поверхности семья наткнулась на некий склад, в котором из съестного стояли лишь ящики с прозрачной жидкостью. «Это водка! – кричал радостно муж. – Водка! Теперь не замерзнем!» – рассказывала женщина. Дорвавшись до горячительного «деликатеса», мужчина, не долго думая, вскрыл бутылку и приложился к ней, вливая в себя жидкость прямо из горла. На второй вскрытой бутылке его разум настолько помутнел, что он отказался возвращаться на станцию, не понимая точно, как оставить залежи этого *сокровища*. Женщина пыталась привести мужа в чувства, но ни плач ребенка, ни ее укоры не могли разъединить его с неожиданно приобретенным богатством. Только когда тот отключился, жена погрузила его на сани и вместе с сыном потащила к станции.

Поднявшаяся метель превратила путь женщины и ребенка в семь кругов замерзшего ада, который они все же преодолели. Уже на подступах к станции мальчишка рухнул без сознания. Женщина погрузила его на сани так же, как и мужа, и потащила эту непосильную ношу на себе. Пока несчастная рассказывала все это жителям Авиастроительной, Тагир обратил внимание на то, что она до сих пор не понимает: ее сын замерз... насмерть... Она все причитала, что сыночка нужно разбудить и накормить, но никто не собирался этого делать.

Реакция жителей станции, того самого слаженного организма, коим они становились при виде проблемы, была молниеносной. Пока женщину уводили отогреваться, двое крепких парней схватили нерадивого пьяницу за замерзшие уши и поставили на колени. Поочередно

нанося полновесные удары кулаками в посиневшее лицо, словно в бубен, парни громко и четко проговаривали, за что этот мужчина получал такое наказание.

Тагир был в шоке. Вместо того чтобы оказывать первую помощь, пострадавшего, обмороженного человека избивали! На остальных станциях жители боролись за любую жизнь, даже такую никчёмную. Но «деревенские» были не такими – они беспощадно удаляли стгнивший винт из своего слаженного механизма. Когда парни закончили, Тагир было вздохнул, но жители не остановились. Свежие экзекуторы сменили уставших, и избиение продолжилось. И продолжалось до тех пор, пока пьяный мужчина не рухнул на пол станции замертво.

Похоронили его так же, как и любого другого, ничем не провинившегося жителя Авиастроительной, рядом погибшим по его вине сыном. Тагир долго не мог понять, почему «деревенские» поступили именно так. Лишь со временем до него стало доходить, что таким образом они заботились о жизни своего общества – не прощая ни единой оплошности, но беря под опеку всех, у кого не оставалось ничего. Кроме того, показательная казнь была ярким примером того, как остальным не нужно было поступать, живя на Авиастроительной...

Отгнав от себя мрачные воспоминания, Тагир снова обратился к посланнику султана:

– Так что можешь считать, что не зря преодолел такое расстояние, чтобы добраться до нас, – он поднял вверх указательный палец и улыбнулся. – Буквально за один присест и горку бараньего помета, ты узнал суть нашей жизни! Кстати, может, расскажешь мне, зачем это я нашему султану понадобился? Что? В султанате не все спокойно? Так я тебе скажу – сейчас нигде не спокойно.

– Султан сам тебе все расскажет...

Тагир не сразу заметил, что Тимур стоял уже в стороне и, попрощавшись кивком, быстро направился в глубь станции.

– Ме-е-е!

Баран снова вылупил глазенки на Тагира, ожидая очередной порции угощения.

– Вот, и я о том же. Странный он парень...

* * *

Она спала.

Тагир наблюдал за своей дочерью еще какое-то время, чтобы убедиться, что ей не станет плохо и она не проснется до его отправления. Сердце провалилось куда-то вниз, как только он осознал, что ему придется на какое-то время покинуть Камилю.

Утро выдалось, как обычно, спокойным, правда, немного более шумным. Оттого, что основную часть людей с Яшьлека переселили на Северный вокзал и Авиастроительную, на последней стало тесновато и душно. Впрочем, «деревенские» не особо протестовали – лишние руки в хозяйстве всегда пригодятся...

Клубы пара поднимались к потолку и расплывались белыми облаками, отчего на станции становилось еще теплее – кто-то из «яшьлековцев» уже разогревал большие казаны, чтобы выпаривать воду и смешивать ее с медовыми кристаллами. О полезности такой воды судить, конечно, было сложно, но других вариантов у людей не было – чистую воду на тупиковую станцию доставляли с перебоями, зато мясо забирали точно по расписанию. Люди *авыла* были в этом плане уникальны. Их бараны, ростом чуть меньше собак, которыми их еще помнили, не требовали много еды и жевали ту же подземную траву, что использовалась в быту. А еще некоторые пастухи (в том числе и Тагир) поднимались в город, чтобы добыть растительность, которая тщательно проверялась уже несколько лет.

Основной удар по стране, чудом миновавший большую часть столицы республики Татарстан, возможно, и позволил бы казанцам жить на поверхности, но тогда бы их ждала участь

скорее добычи, нежели охотников, поэтому метро стало самым безопасным местом для существования. Слухи о том, что в некоторых лесах уже образовались поселения, все же ходили, но для «деревенских» это звучало как сказка, да и проверять их правдивость никто не собирался. Своих забот хватало...

У Тагира с баранами был особый союз – он спасал их, а они его. Так ему и удавалось бродить по поверхности вместе со стадом, чего остальные старались не делать. Никто из деревенских и подумать не мог, чтобы сунуться навверх вместе с живностью – опасно и непрактично. Никто, кроме Тагира. Вот и сейчас, собираясь в путь, ему необходимо было подготовить нескольких баранов. Мало ли о каком *одолжении* мог попросить султан...

– Пап! Пап!

Маленькая девочка, закутанная в одеяло, бежала к Тагиру и тут же накинулась на него, от чего пастух ощутимо пошатнулся. Как ни странно, но лекарство, принесенное Тимуром, подействовало.

– Ты что тут делаешь? – Тагир погладил дочь по голове и слегка потер пальцем здоровый румянец на ее щеке, словно сомневаясь в его реальности. – А где дядя Ильдар?

– Я тут! – выбежал на станцию запыхавшийся лекарь.

– Ильдар! Как ты отпустил ее?

– Да я сам не понял, что произошло. Смотрю, вроде, спит, через секунду оборачиваюсь, – а одеяла... эм, точнее ее, уже нет!

– Пап, – девочка обеими ладонями схватилась за небритые щеки мужчины и повернула его к себе. – Ты скоро вернешься?

– Красавица моя, я тебя когда-нибудь надолго оставлял? Я только туда и обратно! Встречусь с султаном и сразу назад, хорошо?

– Хорошо, – девочка приподняла свои руки, прижала их ребрами ладоней к вискам мужчины, а большие пальцы к своим вискам, сделав тем самым перегородку между их взглядами. Она всегда так делала, когда хотела рассказать какой-то секрет. – Только аккуратнее. Мне не очень нравится этот дядька.

Тагир высвободился из ладоней дочери, посмотрел на племянника султана, который ждал его, а затем снова вернулся в закрытое ладонями девочки пространство.

– Все будет хорошо, обещаю, – мужчина спустил Камилу на землю и посмотрел на лекаря. – Ильдар, уведи ее, пожалуйста. Нам пора.

Лекарь принял девочку на руки, и та еще долго махала отцу, пока он и его спутник не скрылись за краем платформы у бараньих загонов.

Обвязав веревками сразу три шеи, пастух вытянул баранов на пути и, прикрикнув, повел их по рельсам вдоль станции.

– А бараны зачем? – почесал макушку Тимур.

– По-другому никак...

Не успели путники покинуть станцию, как у самого ее завершения на платформу вышел крепкий усатый мужчина, один из пастухов Авиастроительной.

– Это что, Тагир там идет? Да с целым стадом баранов, я смотрю! Неужто на прогулку опять собрался? Животновод ты наш...

Тагир хорошо знал вышедшего мужика. Он не был ему другом, но не был и врагом. Просто он был против, что Тагир пас своих баранов не так, как все, – на воле. Возможно, мужчина завидовал тому, что позволял себе Тагир, а возможно, действительно переживал, что однажды тот самолично приведет часть станционных баранов в пасть к монстрам. Конец света концом света, а бытовые проблемы, заложенные в уклад человеческой жизни, никто не отменял.

– Это как же ты такие сложные слова выговорил? Всю ночь, наверное, тренировался? – Тагир старался даже не смотреть на пастуха, а просто шел вперед и продолжал говорить: – Айда со мной? Новые места покажу, а то твои-то овцы, небось, всю траву уже в туннелях пожрали?

– Зато твои, я вижу, исхудали. Загонял совсем! Так и перемерут скоро! Потом будешь ко мне за мясом бегать! – Усатый пастух выпрямился и вытер пот со лба, оставив на лице полосу грязи. – Нет уж, я как-нибудь сам. За меня не волнуйся, найду еще, где своих овец пасти. Лучше о себе подумай, Тагир! По дьявольскому хвосту ты ходишь. Когда-нибудь обернется, он и сожрет тебя!

– Твоими молитвами... твоими молитвами...

– Ты, это... будешь у султана, передай, пусть заканчивает свои посиделки на Яшьлеке. Людям домой возвращаться надо... делами заниматься...

* * *

Первое, что бросилось Тагиру в глаза – это простор...

Никогда еще станция Яшьлек не была такой пустой. С другой стороны, и бывал он на ней редко. Северный вокзал – понятно, там все свои. Много знакомых. Через нее осуществлялся и выход на поверхность. А до Яшьлека все ноги не доводили. И вот...

Откуда-то из глубины души наружу стали подниматься ассоциативные воспоминания. Тагир чувствовал себя, как маленький ребенок, который попал в какое-то место, в которое даже не каждый взрослый может попасть. Но что это было за место, он пока не мог вспомнить.

Мраморные темно-коричневые стены, разделенные двумя рядами по десятку колонн с пилястрами, цвет которых уже давно стал грязно-белым, почти серым, а так же тянущиеся к потолку бронзовые «косы» с лепестками, вспышками продолжали вызывать воспоминания из детства. И когда в дополнение к ним присоединилась эта пустота, Тагир вспомнил.

Чувства эти были сродни тем, словно он попал в пустой зал театра в тот момент, когда тот был закрыт для остальных, и можно было посидеть абсолютно на любом месте, а не только на том, на котором позволял билет. Тагир понял, что за место ему вспомнилось – огромный, просторный, с четырехъярусными балконами Татарский академический государственный театр оперы и балета имени Мусы Джалиля.

Теперь краснота кресел и карнизов, украшенных такого же цвета тканью, отчетливо била в глаза, застилая реальность. Золотая роспись, змейкой расплзшаяся по балконам, и эта огромная, во весь потолок, люстра! И все это принадлежало ему – маленькому Тагиру, которого мама впервые привела в театр. Было здорово носиться по пустому залу, заглянуть в оркестровую яму и один на один столкнуться со сценой-гигантом. И самое главное – слышать смех матери...

Запрятав драгоценные вспышки воспоминаний подальше в память, Тагир спокойно побрел вдоль станции.

Была в этой пустоте какая-то свобода – дозволенность сделать чуть больше, чем можно было обычно. В общем, почему-то сейчас Тагиру нравилось больше присутствовать на пустой станции Яшьлек, чем на переполненной Авиастроительной.

– Тагир! – окликнул кто-то пастуха.

Ошибки быть не могло. Так громко и так приветливо мог кричать только один человек на их станции.

– Хасан! – Тагир поднял свободную руку, приветствуя своего друга и расплываясь в улыбке «метр на метр». – Ты зачем так далеко от дома ушел? Камиля все спрашивает: «Где дядя Хасан? Где дядя Хасан?». Видимо, мои сказки ее не очень устраивают.

– Дык, как видишь, не только твоей дочери мои сказки интересны. – Хасан подхватил Тагира за руку и потянул на себя, помогая взобраться на платформу, а когда тот стоял уже

совсем близко с ним, шепотом добавил: – Хотя, на самом деле, тут не сказки, а сплошная чертовщина!..

– Неужели, все так серьезно? – Тагир постарался улыбнуться, но тело его все равно напряглось.

– Серьезнее некуда, дружище, – снова прошептал Хасан, а затем добавил: – Но платят хорошо...

– Хорошо – это хорошо. Так, а баранов мне кто-нибудь привяжет?

* * *

Оранжевая бестия, словно вцепившаяся в фитиль свечи, пускалась в пляс от любого выдоха султана, которого Тагир внимательно изучал. Перед ним сидел мужчина лет шестидесяти с плотно сбитым телом, еще какое-то время назад пышущим здоровьем, но от эмоциональной усталости превратившимся просто в груз с шапкой серебристо-седых волос и белыми кустистыми бровями. Он сидел в массивном кресле, видимо, привезенном вместе с остальным важным имуществом с Кремлевской, в окружении уже известного Тагиру Тимура, еще одного мужчину, которого султан представил как Муху, и какой-то бабушки. Очень загадочной бабушки, которая с улыбкой рассматривала уже самого Тагира.

– И почему же я?

После всего услышанного от султана о ребенке и о происшествии на станции Аметьево, Тагира интересовал один-единственный вопрос.

Поглядев в большие черные глаза пастуха, сверкавшие на его худощавом лице, султан медленно протянул:

– Потому что так сказали джинны.

Марат Султанович произнес эти слова, словно раскрывал перед всеми какую-то тайну, но Тагир лишь звонко рассмеялся в голос, хлопнув себя руками по коленкам и разглядывая серьезные лица собравшихся, в надежде, что кто-нибудь из них, наконец, скажет, что все это – ни что иное, как розыгрыш.

Но присутствующие молчали.

– И я действительно должен рискнуть своей жизнью только потому, что какие-то там духи решили, что именно я могу вам помочь? Как вы вообще узнали про меня? Насколько я знаю, вам никогда не было дела до пастухов.

Султан кивком указал на Хасана, стоявшего в тот момент за спиной Тагира. Мужчина подвинулся на своем стуле ближе к краю и повернул голову, пристально посмотрев на своего друга.

– Хасан, что ты тут наплел про меня?

– Тагир, не надо на меня так смотреть! Меня спросили, я ответил. Ведь в районе все знают, что только у тебя маленькая дочка болеет. А тут такие слова. Как там? – Хасан попытался вспомнить строчки из четверостиший. – «Пастуху их проблемы достались, что считает детские слезы». Тагир, это же не совпадение? А еще вот это: «Он ведет седоглавую стаю. Их вожак. Одинокий и гордый. Он от смерти любого спасает. Друг зверей с человеческой мордой». Вот это – сто процентов про тебя! Ведь в районе все знают, что только ты бродишь по поверхности с баранами. И всегда возвращался целым и невредимым. И с баранами.

Хасан сделал шаг назад на тот случай, если его доводы окажутся неубедительными, и Тагир попытается его ударить. Но реакция пастуха была неоднозначна – он снова рассмеялся. Посетители султанских покоев долго слушали, как нескончаемый гогот Тагира, то и дело прерываемый глубокими вдохами, гремел в ограниченном пространстве, пока тот более-менее не успокоился и не проговорил сквозь остатки смешков:

– Ох, брат, ну и подставу ты себе учинил! Друзья мои! – Тагир оглядел всех присутствующих, которые в тот момент даже не догадывались, что именно рассмешило пастуха с Авиастроительной: – Позвольте внести некоторые коррективы в сложившуюся ситуацию.

Тагир еще раз скользнул взглядом по лицам людей, застывших в негодовании, резво встал со своего места и направился к выходу, попутно объясняя, в чем же все-таки дело:

– Вы простите моего друга, ибо он немного перепутал реальное с вымышленным. Ну знаете, у сказочников такое бывает. Давайте я отведу вас к тем, с кем вам действительно нужно поговорить...

Тагир одернул занавес султанской юрты и выставил руку наружу, театрально предлагая всем выйти.

– Тагир, успокойся, – племяннику султана поведение пастуха явно не понравилось и молчать он не собирался: – Если тебе есть, что сказать, говори здесь и сейчас. Ни у султана, ни у всех нас нет желания, а тем более – времени куда-то ходить...

– Я понимаю, – кивнул Тагир. – Но вы же хотите разобраться, в чем дело? Пойдемте-пойдемте, много времени это не займет.

Выйдя из покоев, мужчина дал находившимся внутри время подумать. Судя по тому, что сначала султан, а затем и вся его свора стали выходить из юрты на станцию – ход сработал. Сославшись на старость, не вышла только старуха. Долго идти не пришлось. Уже через минуту пастух остановился у края платформы, в том месте, где он совсем недавно оставил своих баранов.

Чпок-чпок. В свойственной им манере, кучерявые обитатели Авиастроительной вылупились на подошедшую к краю платформы делегацию, которая точно так же уставилась на них.

– Друзья! – взял слово Тагир. – Позвольте представить вам тех, кто вам действительно нужен. – Пастух спрыгнул с платформы на пути и посмотрел на остальных снизу вверх. – Уж если кто и заслуживает чести возглавить вашу операцию, то только они.

– Что за шутки, Тагир?! – взволнованно прошептал Хасан. – Ты сейчас действительно и меня, и себя подставляешь.

Вместо того, чтобы отвечать на вопрос друга, Тагир посмотрел на печальное лицо султана, который, кажется, теперь понимал, в чем дело.

– Господин, при всем моем уважении, – вы уже взрослый человек, а все еще верите в сказки. Чтобы найти вашу племянницу, вам нужен полк первоклассных мусafirов и немного везения, а не я. В том, что я брожу по поверхности, никакого секрета нет. – Теперь Тагир посмотрел на своих баранов. – Это они. Они не идут туда, где чувствуют опасность, они не едят траву, которая может быть заражена, они убегают в первую очередь, как только почувствуют хищников или радиацию. И, поверьте, я бегу одним из последних. Никакой я, как вы там сказали, не вожак, и не друг зверей. Я самый обыкновенный пастух. А вот проблем чужих я действительно хапнул. И все, что я могу для вас сделать, – отдать вам одного барана за ценное лекарство, которое спасло мою дочь. Все остальное, уверяю вас, чистое совпадение.

Султан сник. Глупо было полагать, что в метро есть человек, который решил бы все проблемы, как это делалось очень давно в фильмах, – резать и бомбить тварей, бороться с проявлениями новообразованной природы и совершать героические поступки. Новому поколению людей нужно было только одно – обезопасить себя и своих близких настолько, насколько это возможно. Даже в мечтах...

Султан испытующе взглянул Тагиру прямо в глаза, словно выискивая что-то то в левом, то в правом, а затем расстроено покачал головой:

– Я понял вас Тагир. Спасибо, что все разъяснили.

Тимур молча смотрел на пастуха, на которого даже он слишком своевременно, конечно, но возложил надежды. Одному Тагиру не показалось, что он действительно взял и разрушил какие-то воздушные замки. Он просто выложил все как есть, ведь ничего другого и не остава-

лось. Хотя что-то в печальном взгляде султана, который сейчас удалялся в свои покои в сопровождении Мухи, его все же задело.

– Зря ты так, Тагир. Иметь в должниках правителя Султаната – не такая уж плохая перспектива на будущее, особенно учитывая твоё положение... – племянник султана словно отчитывал пастуха, который в этот момент взбирался обратно на платформу. – Тебе всего-то и нужно было, что подарить небольшую надежду.

– Тагир, в самом деле, – в разговор теперь включился и Хасан. – Неужели нельзя было как-то помягче?

– СТОП! – мужчина резко одернул голову и посмотрел на своих баранов. – Что-то не так.

– Все, Тагир. Не время продолжать цирк. Это уже не смешно, да и выступать больше не перед кем.

Тимур не обратил никакого внимания на предупреждение Тагира, поскольку в мире, в котором они сейчас жили, говорить «что-то не так» было излишне – «не так» в нём было все...

– Тимур, я не об этом... посмотри на баранов...

Тимур и Хасан только сейчас заметили, что животные в панике сбились в кучу. Для тех, кто никогда не видел такого, это было странным зрелищем. В глазах баранов словно читалось: «Нет! Нет! Только не мы!». Они пытались спрятаться друг за друга (причем каждый стремился оказаться в середине) или разбежаться в разные стороны, но веревки, которые были намотаны на железную арматуру, торчащую из основания платформы, пока ещё сдерживали эти попытки.

– Тимур, Хасан, помогите мне затащить баранов на платформу! – Тагир снова спрыгнул на пути, стянул веревки с арматуры и, еле сдерживая животных, протянул их племяннику султана. – Держи! Хасан, я буду подталкивать их, а ты принимай!

– Что происходит?

Тимур поддался легкой панике, наблюдая за тем, как бараны упираются копытами в основание платформы. Удерживать их было практически невозможно.

– Так, нам придется кое-что сделать. Хасан, прыгай сюда. Будем поднимать их вместе.

Предложенное пастухом казалось здравым, хотя пока Хасан не спустился на пути, тащить баранов было невыносимо тяжело. Только когда все трое синхронно взялись за работу – один тянул животное на себя, а двое других толкали, – им удалось затащить сначала одного, затем второго, а после и третьего барана на платформу. Теперь все было в прямом смысле в руках Тимура – бараны пытались кинуться в разные стороны. Казалось, вот-вот, и что-то одно не выдержит, лопнет – или мышцы рук, на которые племянник султана намотал веревку, или сама веревка.

– И все же, Тагир, скажи, что не так?

– Я пока не знаю. Но стоит кого-нибудь позвать. Ваших людей на станции много?

– Человек двадцать, а что?

– Секунду. – Тагир снова взобрался на платформу и ухватился за веревку, пытаясь помочь Тимуру. – На счет «три» отпускай...

– Что?

– Раз! Два! Три!

Когда пастух отпустил веревку, бараны бросились прочь от туннеля, который вел в сторону Козьей слободы. Поскольку Тимур так и не успел понять, что нужно было сделать «на счет три», бараны основательно протащили его по плитам Яшьлека, пока он наконец не отпустил веревку. Тагир навис над племянником султана через несколько секунд, загородив линию световой панели, растянувшейся по потолку станции.

– Ты в порядке?

– Как видишь, не очень, – для начала Тимур принял сидячее положение и выплюнул набившуюся в рот пыль. – Ну и что это значит? Не пора ли объяснить?

– Видишь, куда бегут бараны? – отдышавшись, Тагир помог ему подняться.

– Да, куда глаза глядят! – Племянник султана, которому животные только что устроили небольшой аттракцион, был настроен явно скептически.

– Все не так просто. Никто из них не дернулся в сторону того туннеля. – Тагир ткнул пальцем в темноту. – И, поверь моему опыту, это не к добру. Нужно проверить, что там.

Когда Тимур уже уверенно стоял на ногах и отряхивал свою испачканную одежду от пыли, он произнес:

– Хорошо, я соберу людей...

– А можно я с вами пойду? – послышался голос Хасана, который все еще стоял на путях. – Приключение как раз для моей новой истории...

* * *

Большая часть того, что могло убить в метро, скрывалось в темноте.

Хасан долго всматривался в эту чернь.

Нечто опасное манило сейчас чтеца, как никогда. По правде сказать, за всю свою жизнь он ни разу так и не столкнулся лицом к лицу с чем-то необъяснимым. Все его истории были основаны на рассказах кочующих мусafirов. Поэтому сейчас он старался уловить в этой темноте что-то вроде вдохновения, не обращая внимания на шум, который поднялся на Яшьлеке в считанные минуты.

Вся станция, и так взбаламученная приездом султана, стояла на ушах из-за одного простого пастуха, который в окружении шестерых гаскарцев собирался покинуть территорию Яшьлека ради того, от чего стоило бы бежать. Ровно до этого момента станция Яшьлек (так же как Северный вокзал и Авиастроительная) считалась неприступной – ожидать какого-то нападения или нашествия было бы глупо. Ведь Аметьево – единственная станция, через которую твари могли забраться в туннели метро, находилась далеко отсюда. А значит, чтобы преодолеть путь от Аметьево до Яшьлека, им, по крайней мере, нужно было пересечь границы остальных четырех станций.

Тимур сделал то, что считал должным, – основную часть людей он оставил вместе с султаном в «безопасном месте». Вестибюли станции показались ему именно таковыми. Он приказал нескольким гаскарцам ограничить проход, забаррикадировав пространство между турникетами, а остальных направил к краю платформы, где Тагир пытался спустить одного из баранов на пути, чтобы взять его с собой в качестве живого «датчика опасности».

– Хасан, брат! Хватит там стоять! Иди, помоги мне!

Баран пытался упереться копытами в тело пастуха, чтобы использовать его как трамплин для возвращения на безопасную платформу. Держать животное за рога было более-менее сносным вариантом, но один Тагир явно не справлялся, и веревка, болтавшаяся на шее пушистого комка, все никак не шла в руки.

– Хасан!

Сказитель еще какое-то время всматривался в темноту, а затем медленно начал отступать от границ туннеля, словно почуяв что-то неладное.

– Тагир! Слышишь?

Тимур, который все это время следил за действиями пастуха, уже потянулся за пистолетом, когда из тени выполз маленький щенок. Замерев перед Хасаном, звереныш сладко потянулся, выгибая спину, неожиданно чихнул и тут же твякнул от страха. Потом уселся на пол, потешно расставив задние лапки в стороны, и начал рассматривать человека, переводя сонный взгляд сначала на его лицо, а затем на руки.

В это время Тагир, уже чуть ли не головой заталкивая шерстяной комок обратно на станцию, увидел, как из лап щенка, покрытых желтоватой шерстью, на мгновение плавно выскользнули и снова скрылись когти хорошо знакомого ему животного. Это был кляб.

Пастух в одно движение вскочил на платформу и кинулся к племяннику султана, бросив сказителю:

– Хасан! БЫСТРО ИДИ СЮДА!

– Так это и есть причина, из-за которой твои бараны так паникуют? – Хасан, запустив руки в густую шерсть за ушами щенка, ласково почесывал его и улыбался.

– Хасан! Немедленно уйди оттуда! Ты не понимаешь, что творишь!

– Успокойся, Тагир, – надменно проговорил Тимур, наблюдая за умильным зверьком. – Я быстро стреляю. Если эта крошка твякнет, живо ее утихомирю!

– Ааа, *Хайван*²⁰! Не его вам надо бояться, а кяльбов! ХАСАН, ТВОЮ МАТЬ! ЖИВО ПОДНИМИСЬ НА ПЛАТФОРМУ!

– Уверен, что с этой мелкой кяльбой мы справимся. – Тимур подмигнул щенку, который уже с воодушевлением принимался к рукам Хасана.

– Это не кяльба, друг. Это их питомец, – зажав губами какую-то штуку, похожую на свисток, пастух быстро зашагал к Хасану и увидел то, чего так боялся: – Кяльбы – вот...

Племянник султана перевел взгляд чуть дальше в тень и увидел, как из нее одна за другой появляются собаки с желто-черным окрасом, вытянутыми изуродованными мордами и подобиями ушей. Глаза их были залиты какой-то нездоровой желтизной. Но это было не самым страшным. Когда одна из псин раскрыла пасть, Тимур увидел ровные острые клыки, расположенные в два ряда по внутренней стороне челюсти.

Взгляд Хасана, в голове которого мысли теперь быстро собирались в одну целостную конструкцию, прыгал то на оскал вышедших из тени псов, то на маленьком зверьке рядом. Когда его взгляд в последний раз остановился на щенке, он заметил, что глаза того, как и у здоровых особей, залились желтизной, а слюна из пасти практически достигла пола.

Щелк...

* * *

За пять минут до раздавшегося из глубины станции адского крика и череды выстрелов люди, которых Тимур оставил в вестибюле вместе с султаном, говорящей с джиннами, ее сестрой и братом, а также хранителем покоев Мухой, чувствовали себя вполне спокойно и даже беседовали о чем-то явно злободневном.

За три минуты до крика говорящая с джиннами поинтересовалась, почему хранителя покоев называют таким обидным словом – «Муха»? Тот с улыбкой ответил, что это сокращение от «Мухаммад», и что родители называли его так в честь пророка.

За две минуты до первого выстрела Муха, в свою очередь, поинтересовался у бабушки, каким образом они оказались в метро и спаслись, на что старый брат говорящей с джиннами коротко ответил вместо нее: «Ей приснился конец света...».

За минуту до пальбы, звуки которой отчетливо достигали вестибюля, другая бабушка треснула *бабая* по затылку, чтобы тот не раскрывал рот почему зря...

За секунду до синхронного поворота голов всех, схоронившихся в вестибюле, султан еще улыбался, слушая завязавшуюся между Мухой и стариками беседу...

Но дальше было не до улыбок...

²⁰ Хайван (тат., тур., араб.) – животное, скотина. Здесь – ругательное значение.

* * *

Племяннику султана казалось, будто он смотрит немое кино. Звуки ада, разлетающиеся по станции, никак не могли пробиться в его сознание. Чтец, валявшийся на боку, дрыгал ногами, словно бегая по кругу, как волчок, схватившись за обрубок руки, из которого фонтаном била кровь. Щенок, еще недавно казавшийся таким милым и дружелюбным, пытался разжевать то, что миг назад было человеческой конечностью, так самонадеянно тянувшейся к нему. Тагир то дул в свой свисток, то что-то кричал племяннику султана и снова дул в свисток.

Когда Тимур немного пришел в себя, его мозг наконец-то сумел соотнести издаваемые пастухом звуки со словом. И это слово было – «*пистолет!*».

Только сейчас он обратил внимание на то, что из-за свистка Тагира кляббы прижимались к земле и бились головами о шпалу. Кто-то из них пытался в сторону пастуха, и тогда тот дул еще сильнее, вновь и вновь словно прибывая тварей к полу. Тимур молниеносно выхватил пистолет и начал палить без разбора в стаю, рассыпавшуюся по путям. Наконец-то племянник султана начал приносить хоть какую-то пользу. Как по команде, реакция сработала и у других. Теперь стае кляббов уверенно противостояла стая свинцовая.

Уловив момент, Тагир добежал до все никак не могущего успокоиться Хасана, выхватил кинжал, которым он обычно разделявал тушу, и принялся добивать кляббов быстрыми ударами в голову. Некоторым из них он перерезал глотки, хотя это и было небезопасно: те щелкали челюстями без разбора.

Теперь щелкал и пистолет Тимура – патроны закончились. Под прикрытием своих товарищей, бросив уже бесполезное оружие на пол, он выхватил два ножа из ножен, висевших у него сзади на поясе и прыгнул вниз, чтобы так же, как и Тагир, вручную противостоять натиску мутантов. И лишь когда основная часть псов была уничтожена, а другие пытались и скрывались в темноте, оба безмолвно рухнули на пол.

Тагир устало смотрел на тело своего товарища, которому успели изгрызть не только руки. Щенок, которого Тимур застрелил последним, без движения валялся рядом. Тагир сделал глубокий вдох, на секунду закрыл глаза и прокричал тем, кто вел огонь с платформы:

– Те, у кого остались патроны, прыгайте сюда! Сейчас будет вторая волна!

Опешивший Тимур вскочил и бросился к своему оружию, чтобы как можно скорее перезарядить стальную надежду на спасение. Тагир же подошел к Хасану и аккуратно поднял его на руки. Приключение сказителя закончилось так же быстро, как и началось. И теперь, нужно было убрать тело, а точнее то, что кляббы не успели доесть.

* * *

Идея проверить, как обстояли дела на станции, показалась султану плохой не в тот момент, когда он спустился на платформу и увидел с десяток хищных тварей, бездыханно распростертых на полу, а также живую стену из десяти гаскарцев, поочередно выпускавших свинцовый град в темноту. Лишь когда одна из тварей, вцепившаяся сначала в ногу стрелявшему гаскарцу, а затем прорвавшая оборону, понеслась на него. Султан не знал, что делать, как среагировать на движущееся прямо на него животное – инстинкт самосохранения предательски молчал, в отличие от Тимура, который уже метил дулом своей пушки в зад зверя.

Хлоп-хлоп-хлоп! – и тело клябба уже не бежало, а катилось к ногам дяди, оставляя после себя мерзкий кровавый след.

Прознав про брешь в неприступной стене (свалившийся на пол гаскарец с прокусанной ногой), кляббы тут же кинулись следом за первой тварью. Двум из них удалось прорваться. Остальным повезло меньше. Свалившемуся гаскарцу тоже не повезло. Один из псов успел-

таки раскромсать его, без тени сомнения вонзив каждый из десятка зубов в его лицо, пока пуля не сделала тоже самое с головой твари.

Тимур и Тагир поняли друг друга без слов – один кинулся за одной тварью, второй за другой. Настичь пронырливое животное на своих двоих было не так-то просто, поэтому, пока пастух пытался загнать кяльба в угол, племянник султана уже вкручивал один свинцовый болт за другим в тело метавшейся твари, доставшейся ему на расправу.

Заставить животное бежать в том направлении, в котором было необходимо – фактически, игра без правил. Только когда пастух вновь схватился за свисток и дунул в него, что было мочи, и голова животного стукнулась о серую плитку, который был вымошен пол станции, он выхватил кинжал и всадил твари в шею. На этом и порешили – 1:0 в пользу Тагира.

Кяльбы отступали.

Испуганный, застывший на месте султан пытался понять, что происходит. А когда увидел, что уставший Тагир еле плелся к центру платформы, а Тимур где стоял, там и рухнул, усевшись на пол, осознал: что бы это ни было – это уже закончилось.

– Пастух, – лежавший на полу Тимур пытался привести дыхание в норму, – где ты научился так орудовать кинжалом?

– Баранов... – Тагир тоже сделал глубокий вдох и продолжил на выдохе: – Резал...

– Хорош заливать! – племянник султана немощно перевернулся на бок. – Когда режут баранов, бошки им пробивать не надо.

– Некоторым, видимо, надо. – Тагир присел, вытер о рукав окровавленный нож и посмотрел на султана. – Вы как, в порядке?

– Что... здесь... произошло?

– О-о, это была битва месяца! Давно кяльбы не проявляли такой настойчивости. Видимо потому, что я НИКОГДА НЕ ВСТРЕЧАЛ ИХ ТУННЕЛЯХ! – психанув, Тагир бросил кинжал в сторону Тимура, и тот ударил его рукояткой в плечо. – Нужно было слушать, что тебе умные люди говорят! Я пошел с тобой только потому, что ты спас мою дочь. Но гробить себя я не собирался! Нарисовались на мою голову, хрен сотрешь!

– Остынь, Тагир. Я же не знал о том, что эти твари пробрались в туннели. Нужно усилить охрану и проверить Козью слободу. Может, там что-то знают?..

Тагир резко вскочил на ноги, словно вспомнил о каком-то сверхважном деле, и объявил:

– Вы уж меня простите, но мне пора домой. Хасана я заберу с собой. Остальных советую вынести на поверхность. Если это не единственные кяльбы, пробравшиеся в метро, запах привлечет их снова.

– Тагир, погодите! – султан схватил за руку пастуха, уже собравшегося уходить. – Я очень вас прошу... Помогите нам! Если есть хоть маленькая надежда спасти ребенка, я вас озолочу. И даже если вы вернетесь ни с чем, я сделаю все, чтоб вы и ваша дочь жили в достатке...

– Вот именно – *если* мы вернемся...

Аргумент Тагира был весьма убедителен.

– Хорошо, Тагир. У меня нет права держать вас, – султан достал из внутреннего кармана мантии бумажку с символом султаната и протянул пастуху. – Покажете одному из наших, и он проведит вас.

– Спасибо!

Тагир взял бумажку и отправился к краю платформы – туда, где лежали останки его друга.

– И что нам теперь делать? – разочарованно спросил султан, провожая взглядом упертого пастуха.

– Спокойно. Мне кажется, он еще вернется к нам, – ответил Тимур, не меняя позы.

* * *

Нить жизни многих людей сегодня оборвалась. Но все закончилось. Тагир шел домой, удерживая на левом плече тело, замотанное в грязный полиэтилен, а один из гаскарцев султана молча сопровождал его. Пастух тоже молчал, погруженный в свои мысли. Ему не терпелось увидеть дочь. Остановив гаскарца где-то в туннеле на подходе к Северному вокзалу, он велел ему возвращаться и продолжил путь в гордом одиночестве.

Слава богу, на Авиастроительной все было по-прежнему. Оставив на некоторое время тело Хасана у подхода к станции, Тагир, кратко отвечая на приветствия знакомых, первым делом направился к Ильдару, чтобы увидеть дочь. Но в юрте лекаря никого не было. Только маленькая Камиля неподвижно лежала на матрасах.

– Камилюша, я дома! Папа наконец-то вернулся! Просыпайся, девочка моя!

Но она не проснулась. Тагир с улыбкой посмотрел на ее лицо, а затем эта улыбка медленно растаяла. Бледная, холодная... и спящая...

– Ильдар! ИЛЬДАР!!!

Тагир крепко обнял дочь и заплакал. Душу его сковал неземной ужас, сердце практически перестало биться, а все чувства словно ужались до одного короткого слова-крика-вздоха: «Нет!».

– ИЛЬДАР! ГДЕ ТЫ, ИЛЬДАР?! Нет... нет... нет, не может быть! КАМИЛЯ!!! ИЛЬДАР! Как же так?! Как же так?! Нет! Нет! Нет!

– Что случилось?

Это был Ильдар. И Тагир, выпустив тело Камили, сразу кинулся к нему. Схватив лекаря за ворот рубашки, он бешено проорал:

– Это ты мне скажи, что случилось?! Почему моя дочь мертва?! ПОЧЕМУ?!!

– ТАГИР, УСПОКОЙСЯ! ОНА НЕ МЕРТВА!

– Что?

Тагир отпустил Ильдара и снова подбежал к дочери.

– Я не знаю, что с ней Тагир, но после того, как ты ушел, ей стало хуже. То ли это побочный эффект от султанских лекарств, то ли тебя жестоко обманули...

– Но ее бледное лицо...

– Она не просыпается уже больше суток. Иногда немного приоткрывает глаза, и я стараюсь напоить ее медовой водой.

В голове что-то ослепительно вспыхнуло. Наверное, именно так и выглядит надежда. Мир вновь обрел трехмерность, а Тагир от такого перепада без сил опустился на пол.

– А как же травы? Ты же обещал, что она поправится! – он закрыл рот руками, впиваясь пальцами в скулы, словно пытаясь удержать рвущийся наружу крик отчаяния.

– Тагир, травы подействовали... частично. Они сняли основные симптомы, но затем ее состояние ухудшилось.

– Но почему? А как же я? Я же тоже пил тот отвар?

– Это ни о чем не говорит. Ты же не болен, поэтому на тебя они никак не подействовали.

Ильдар быстро подошел к своему столу и достал знакомую баночку. На Тагира накатила новая порция ярости.

– Это ты сделал! ТЫ подменил лекарство!

– Тагир, возьми себя в руки! – лекарь схватил растерянного мужчину за одежду на груди, жестко встряхнул: – Что ты несешь?! Я бы никогда и помыслить не мог о таком!

– Уроды! Уроды! Я их всех поубиваю!!!

– Папа...

Мужчине показалось, что это разыгралось его воображение, но на всякий случай он посмотрел на дочь. Камиля открыла глаза...

– Родная моя, *кызым*²¹! Что с тобой? Все хорошо. Папа рядом...

Тагир кинулся к ней, а Ильдар – к графину с водой.

– Скорее! Нужно напоить ее, пока она в сознании!

Лекарь наполнил стакан и передал его Тагиру. Мужчина в свою очередь поднес посуду к бледным губам девочки. Камиля сделала несколько мелких глотков, а затем посмотрела на отца.

– Я видела маму. Мы были в Ванильной пустыне. Наконец-то я ее увидела...

На глаза мужчины вновь навернулись слезы. Он почему-то почувствовал себя очень-очень старым.

– Как же ты могла ее видеть, *кызым*? Тебе это приснилось, все приснилось...

– Тогда я еще немного поплюю. Она такая красивая...

– Хорошо, только сперва попей еще водички.

Девочка сделала еще несколько глотков, затем откашлялась и уснула.

Тагир покрыл лицо дочери поцелуями и, крепко обняв ее, прошептал:

– Извини, Ильдар. Я такой идиот. Прости меня, пожалуйста...

– Все нормально. Я понимаю...

– Продолжай за ней смотреть. И никуда ее не отпускай! Никуда! Я скоро...

Тагир вышел из юрты, а Ильдар последовал за ним.

– Куда ты собрался?

Тагир даже не обернулся. Он уверенно шел туда, где осталось тело Хасана, бросив через плечо:

– Сперва закончу одно дело. Потом набью морду Мансуру. Затем – султану... А потом... еще кому-нибудь!

* * *

Мансура словно обдало смертельным холодом.

Когда он увидел Тагира, вошедшего в юрту и державшего на руках окровавленное тело Хасана, то подскочил чуть ли не до потолка. Лицо его с выпученными глазами и раскрытым ртом словно окаменело.

– Тагир, что случи... – фраза так и застряла в глотке главы Авиастроительной, потому что крепкий удар Тагира ногой в живот выбил из легких Мансура воздух.

– Какого хрена ты отправил меня с ним?! Ты о моей дочери подумал?! На! Пожинай теперь плоды своего дружелюбия!

Тагир опустил тело Хасана прямо на рабочий стол и, освободив наконец руки, вплотную подошел к управляющему. Еще один удар, на этот раз – кулаком.

– Тагир, у меня не было выбора! – прохрипел Мансур.

– Выбор есть всегда! – и новый удар. Впрочем, следующего не последовало. Тагир сложил руки на груди с ненавистью смотрел на Мансура. Восстановив дыхание, тот проскулил:

– Тагир, пойми! Я должен в первую очередь заботиться о наших людях. Это же Султанат! Мало ли, что они могли сделать, разгневавшись на нашу несговорчивость?

Новый удар продемонстрировал, что аргумент был выбран неверный.

– Уже сделали! Посмотри на Хасана! Ты заднице о своей заботился, а не о людях! Дай мне кристаллов! – Мансур хотел было возразить, но его рот так и остался открытым в изумлении. –

²¹ Дочь (тат.).

ДАЙ КРИСТАЛЛОВ! Мне нужно идти назад, к султану! И если на этот раз они действительно не дадут мне лекарства, то да смилуется над ними Всевышний!

Когда Тагир уходил, Мансур осторожно проронил ему вслед:

– Если я чем-то могу...

– Можешь! – не оборачиваясь, перебил пастух. – Похороните Хасана, как подобает!

Будь в юрте Мансура дверь, Тагир хлопнул бы ею так, что сооружение сложилось бы как карточный домик, прижимая своей тяжестью все, что находилось внутри, – настолько сильной была его ярость. Но двери не было, так что пастух лишь оторвал тканевую штору, скомкал и с проклятием отшвырнул в сторону.

Вернувшись к Ильдару, мужчина выгрузил кристаллы меда на стол и посмотрел на дочь.

– Она не просыпалась?

– Нет.

– Вот кристаллы, пои ее, как можно чаще. Главное, чтобы она продержалась до моего возвращения, а я что-нибудь придумаю!

– Так много? – Ильдар в изумлении приподнял очки, которые съехали у него на самый кончик носа.

– Да, и спрячь их подальше, чтобы Мансур не отобрал.

– Хорошо...

Тагир повернулся и обнял лекаря.

– Спасибо тебе Ильдар, ты настоящий друг! А сейчас оставь нас, пожалуйста, ненадолго.

Хочу побыть немного с ней...

– Тебе нужно умыться, Тагир... смыть кровь...

– После...

Когда лекарь ушел, мужчина присел рядом с дочерью и провел в почти абсолютной неподвижности без малого час. Девочка была жива, и теперь Тагир сопоставлял факты и рассказанные истории и думал, стоит ли возвращаться к султану? Ответ был однозначным.

Умывшись и собрав все необходимое, Тагир неожиданно обнаружил рядом с постелью, на которой лежала Камиля, амулет, один из дневников своего отца и записку, в которой корявым детским почерком было нацарапано: «Дедушкин амулет. Папе. На удачу».

Тагир надел амулет на шею, спрятал половину красного дневника в походную сумку, а записку положил в нагрудный карман. В последний раз поцеловав дочь, он на минуту помедлил у выхода, стараясь запечатлеть в памяти каждый миллиметр ее лица, а потом решительно вышел из юрты.

Глава 3

На другом берегу жизни

Истинное лицо красавицы-Казани изуродовано до неузнаваемости.

Скрывая былую красоту под паранджой затянувших ее джунглей, она приютила в себе таких смертоносных существ, привыкнуть к которым обычному человеку было бы невозможно даже на протяжении еще такого же количества лет разрухи и каждодневной борьбы за жизнь. Непроницаемый зеленоватый туман окутал собой каждую постройку, каждый закуток этого города, превращая его в непроходимый лабиринт, не говоря уже о «зеленых зонах» города, бывших когда-то чудесными парками и садами.

Теперь смертоносным в этом городе могло оказаться что угодно – от крошечных клещей, прогрызающих целые туннели в любом возможном животном теле, до совершенно необъяснимых явлений, которые люди пытались подогнать под какие-то ассоциации и знакомые им вещи.

Так начала складываться легенда о Шурале – персонаже из татарских сказок, обитавшем в лесу и способном засмеить любого человека до смерти. Но, в отличие от сказок, нынешний Шурале обладает куда более страшными способностями, нежели просто бесконечный, безостановочный, раздирающий горло смех...

Записи в красной тетради

* * *

Все было, как во сне.

Его словно втянули в четко срежиссированный спектакль, где он сыграл сам себя – тупого пастуха, попавшегося на крючок, купившись на такую простую уловку. Он шел по туннелям, прилагая немалые усилия, чтобы не потонуть в собственной агрессии, не понимая, как смог так легко повестись на обман людей из султаната? Хотелось врезать самому себе за такую халатность. Но поскольку себя было жалко, Тагир с ходу рубанул по лицу тому, кто первым попался на пути.

– НА!

Радость Тимура, вызванная неожиданным возвращением Тагира, тут же сменилась вспышкой боли, когда кулак пастуха раздробил ему костяшки в носовом выступе. Племянник султана рухнул плашмя.

– Привет, Тимур! Ну что, нравится? Ты, небось, думал, тебе это с рук сойдет, а? Где же вас учили подставлять тех, кто пытается вам помочь?

– Тагир, я не...

– ННА!

Не дожидаясь, когда Тимур поднимется, Тагир изо всех сил пнул его в живот. И еще раз. И еще. Полегчало. Но этого было мало.

– Тимур! Тимур, сука! Я вернулся, как ты хотел! ЧТО Ж ТЫ НЕ РАДУЕШЬСЯ, А?!!

С каждым новым словом голос Тагира звучал все громче, и последнее предложение он без малого орал. Разумеется, это не могло не привлечь внимание гаскарцев султаната. Лицо пастуха покраснело и скривилось в презрительной гримасе, когда четверо из них бросились в его сторону. Тагир даже не попытался убежать, а шагнул к ним навстречу, сжав кулаки. Разумеется, при такой расстановке сил исход столкновения мог быть лишь один: уже через несколько

секунд крепко помятый смутьян стоял на коленях с выкрученными за спину руками, не в силах даже распрямить спину.

Тимур поднялся с пола и, пытаясь остановить кровь, рассмеялся, слушая, как строптивец хрипит жуткие ругательства в адрес гаскарцев и его лично.

– Гнида! Ты что ребенку моему подсунул?!

Тагир попытался вырваться из рук гаскарцев, но это было равносильно попытке освободиться из железных кандалов.

Племянник султана присел на корточки рядом с пастухом, чтобы заглянуть ему в лицо.

– Я дал тебе то, что ты хотел, – лекарство для твоей дочери. Просто не упомянул, что этой дозы будет недостаточно для полного излечения.

– Скотина! Она же могла умереть!

Тагир резко дернулся, чтобы, уж если не врезать, то хотя бы припугнуть Тимура, но тот даже не шелохнулся и все улыбался в ответ.

– Спокойно, Тагир. Я же не изверг. Она не умрет. Поспит немного, затем ей станет лучше. При условии, что ты дашь ей еще лекарства. – Тимур пододвинулся немного ближе к Тагиру и прошептал: – Ты прости меня, но я должен был подстраховаться...

– Подстраховаться? ПОДСТРАХОВАТЬСЯ?! Да я урою тебя, сукин ты сын!

Воспользовавшись моментом, Тагир резко дернул головой и зарядил своим лбом племяннику султана прямо в нос еще раз. Тот присел на пятую точку и схватился за разбитое лицо, чувствуя, как теплая кровь растекается по обеим ладоням.

– Хочешь драки? Отлично! Отпустите его, я сам, – пока Тимур поднимался, один из гаскарцев попытался что-то возразить, но тщетно. Племянник султана настаивал на своем. – Я что-то непонятное сказал? Отпускайте!

Почувствовав слабинку в хватке, Тагир тут же вырвался и накинулся на Тимура. Оба повалились наземь. Племяннику султана пришлось постараться, чтобы вывернуться из захвата. Запустив свои руки под мышки пастуха, он приподнял локти, не давая рукам противника пространства для удара и, сжав между ладоней его голову, беспощадно дубасил Тагира лицом об пол станции до тех пор, пока не услышал голос султана:

– Что здесь происходит?

Руки Тимура ослабли сами собой. Выпустив из захвата окровавленного пастуха, распростертого на полу, племянник выпрямился перед дядей.

– Дядя, я...

– Не надо, Тимур! Не при людях! Объяснишь мне все в покоях.

– Хорошо, дядя... – Тимур послушно склонил голову.

Холодный колючий взгляд серых глаз султана прошелся сначала по племяннику, а затем по распластанному телу Тагира.

– И приведи его в чувство...

* * *

Через двадцать минут оба драчуна стояли на ковре в покоях султана, прижимая выданные лекарем тряпицы, пропитанные останавливающим кровь отваром, к распухшим носам.

Когда все версии произошедшего были высказаны, Марат Султанович нарушил молчание:

– Что же вы ведете себя, как малые дети? Этот-то – понятно, – посмотрел старик на своего племянника, – но вы, Тагир? У вас же дочь. И какой пример вы можете подать, вытворяя такое?

Тагир собирался что-то ответить, но промолчал, понимая, что султан еще не закончил.

– И, тем не менее, я приношу свои извинения за то, что натворил мой племянник. В качестве компенсации я бы хотел предоставить всевозможные медикаменты для вашей дочери... –

Тагир взволнованно поднял глаза, чтобы удостовериться, что слова султана – не шутка. – Но с одним условием. Я бы хотел, чтобы вы, все же, сопроводили моих людей до Зилантовой горы. Они без вас не справятся...

Тагир расхохотался – демонстративно, пронзительно, заливисто, чуть ли не истерично. Затем размашисто хлопнул Тимура по спине, от чего тот поморщился, и резко остановил смех.

– А у меня есть выбор?

– Выбор есть всегда... – ответил султан.

* * *

Сердце колотилось как ненормальное. И чем выше Тагир поднимался по кремовым ступеням лестницы, ведущей в южный вестибюль станции Яшьлек, – тем сильнее оно билось.

Путники остановились. На миг воцарилась тишина. Молодые гаскарцы замешкались на самой верхней ступени, заметив тела сотоварищей, бившихся с кяльбами, бережно поднятые сюда несколько часов назад. От перекошенных лиц, каждое из которых резало глаз своей бледностью, становилось жутко. Для этих бедолаг две тысячи тридцать третий год стал последним.

Заклучив перемирие на время похода, Тагир и Тимур условились, что не дадут злости взять над собой верх – каждому хотелось вернуться обратно живым.

Разложив на полу вестибюля старую карту города, самый опытный из мусафиров принялся объяснять, каким путем предстоит добраться до Зилантовой горы, указав место назначения угольным крестом на черно-белой распечатке.

– Дойти до границ монастыря будет не так-то просто, – говорил он. – Место, где нашли амулет, находится где-то здесь. Я был там, но что творится дальше, честно, не знаю... – Мусафир провел рукой по карте, обозначив место поисков круговым движением, пришедшееся на пересечение улиц Краснококшайской и Галимджана Баруди. – Предлагаю пройти по улице Усманова, затем свернем на Восход, пройдем до конца Галимджана, а там будем действовать по обстоятельствам...

– Что значит, по обстоятельствам? – усомнился в словах мусафира Тагир.

– То и значит, – отозвался Тимур. – Дальше этого места никто из нас не ходил. По этим улицам проход, в принципе, безопасен. Не раз хаживал. Так что советую взять дуделку свою. Может, пригодиться.

Племянник султана вопросительно посмотрел на Тагира, который без лишних слов продемонстрировал висевший на шее свисток.

– Вот и отлично! *Бабай*, – теперь Тимур смотрел на старика, который уже приготовил связку ключей, чтобы один за другим отомкнуть замки, удерживавшие связку цепей, продетых в скобы на станционной двери.

Старый хранитель ключей и, по совместительству, брат говорящей с джиннами, со знанием дела принялся пристраивать давно не верченые в замках приспособления и освободить дверные проемы от стальных *лохмотьев*. Когда последний замок оказался на полу, дед с некоторой надеждой посмотрел на ребят – шестерых гаскарцев, трех мусафиров, а так же на Тагира и Тимура, облаченных в «химзу».

– *Сез чыгасызмы?*²²

Ответа не последовало.

Распределив между собой тела бывших воинов, которые еще предстояло похоронить на поверхности, гаскарцы двинулись первыми. За ними все остальные...

²² Вы выходите? (тат.)

* * *

Тагир ошеломленно уставился в пространство. Перед глазами все кружилось. С трудом преодолев отсутствие потолков и туннельных границ, он сделал несколько шагов. Наверное, как-то так человек чувствовал себя, когда попадал в космос – ни стен, ни спертого воздуха – только свобода и чистый концентрат страха. Охватить одним взглядом пустые улицы города было невозможно. Стоя на пересечении трех дорог и стянув маску противогаза на макушку, Тагир всматривался в незнакомые ему вывески и вдыхал неотравленный (в этой части города) воздух, пока двое из гаскарцев искали рытвину, брешь в Казанской земле, чтобы предать ей тела. Гнилые пятиэтажки по бокам, трамвайные пути, округлая, «в ромб», постройка, здание с застывшим на нем часовым циферблатом и серые магазины с синими козырьками, на которых на двух языках было разъяснено, чем именно там торговали лет двадцать назад. Оторвавшись от изучения улиц, Тагир заметил что гаскарцы уже облюбовали некую трещину в земле, в которую, видимо, и собирались опустить полиэтиленовые мешки.

– Ну что там? – поинтересовался старший мусафир, подойдя к яме.

– Думаю, здесь будет нормально, – отозвался один из гаскарцев.

– А вы со всеми своими так поступаете? – запротестовал Тагир выбранной могиле. – Не хотел бы я, чтоб меня так похоронили.

– А если не хотел, чего ж тогда с нами пошел? – с вызовом посмотрел на пастуха мусафир. – Времени на религиозные обряды нет. Но если хочешь, оставим тебя здесь, и делай все, как надо...

– А можно? – съязвил Тагир, но никто не ответил.

– Не волнуйся, Тагир! Я за тобой присмотрю, – хлопнув пастуха по плечу так, что тот чуть сам не оказался в яме, Тимур, тем не менее, придержал его и посмотрел на гаскарцев. – Скидывайте...

Когда тела уже обрели последнее пристанище в трещине, технично сброшенные в лоно земли молодыми воинами, Тимур, тем не менее, поддержал пастуха:

– Может, тогда кто-нибудь, что-нибудь скажет? Мы же не уроды какие, в самом деле.

Басистый голос мусафира зазвучал незамедлительно.

– Стара, коса, стоит Казань. Шумит бурун: «Шурум... бурум...». По-родному тараторя, снегом лужи намарав, у подворья в коридоре люди смотрят номера... Я в языках не очень натаскан – что норвежским, что шведским мажь. Входит татарин: «Я на татарском вам прочитаю «Левый марш»... Кто-то там Маяковский... Так сойдет? – улыбнулся и даже чуть не расхохотался мусафир.

– Если я умру и меня скинут в трещину, прошу вас, пусть кто-нибудь другой скажет что-нибудь над моей могилой, – вздохнул Тимур. – Не хочу, чтобы последними словами обо мне были – «Шурум... Бурум...»...

– Эх ты! Классик, между прочим! – ухмыльнулся мусафир. – Ну все, задержались мы. Двигать пора.

Указав тяжелой рукой направление, мусафир первым зашагал к улице Шамиля Усманова. За ним змейкой потянулись и остальные. Лишь, где-то совсем в конце вереницы людей, раздался жалобный писк одного из гаскарцев которому, с намотанной на руку веревкой, идти было менее удобно, чем остальным.

– А барана с собой обязательно тащить?

Оглянувшись на гаскарца обремененного кучерявым «довеском», Тагир улыбнулся и произнес:

– Скажешь спасибо, когда он тебе жизнь спасет...

* * *

Было нежарко.

Прохладный сентябрьский ветерок как-то успокаивал, навевая совершенно не отягощающие мысли. Тагир, не торопясь, следовал за мусафиром и заглядывал в пустые окна, словно надеялся кого-то там увидеть. Надпись на одном из домов «Домашняя кулинария» быстро вызвала аппетитные ассоциации и урчание пустого желудка.

– Все бы отдал сейчас за эчпочмак!

Воспоминания о старинном татарском национальном блюде обострились настолько, что даже запах и вкус казались ему теперь настоящими, словно Тагир ел его совсем недавно. Буквально на днях. Деревенская картошка и сочное мясо, аккуратно утрамбованные в этот аппетитный треугольник из хрустящего теста, были часто готовящимся блюдом в их доме. Особенно его ценил отец, который, помимо прочего, любил разделить это блюдо надвое и дополнительно поджарить на сковородке, обильно политой подсолнечным маслом с запахом семечек...

– М-да... А я бы от порции мантов не отказался и домашней лапшички с катыком, – поддержал культурную беседу о еде один из гаскарцев. – Помню, как их мать готовила. Сначала долго варила бульон на косточке, пока манты томились в огромной кастрюле, и перед самой подачей закидывала лапшу, и мелко-мелко – зелень. Чтобы аромат ярче раскрылся...

– Это все фигня, – со знанием дела протянул впереди идущий мусафир. – Вот балишь – это тема! Картофан, три мяса. А сок внутри какой! Сказка, а не еда! Тоже, кстати, мать готовила... А еще эту, губадию! Вот это был десерт!

– Хорош! – огрызнулся Тимур. – Вон, уже слюна до земли достает. Смотрите, захлебнитесь.

– Тимур, ты чего? Тебя мама в детстве не кормила? – рассмеялся Тагир.

– Не кормила, – грубо скосил Тимур. – Не до меня ей было.

– Прости, я ж не знал...

– Ладно, проехали. Тринадцатый дом, – племянник посмотрел в сторону и указал на дом. – Здесь сворачиваем на Восход. Советую держаться плотнее. Чем ближе к лесу, тем больше вероятность наткнуться на какую-нибудь живность...

За угол дома все сворачивали как-то судорожно, словно невидимый кукловод дергал каждого за ниточки, напрямую связанные с нервами. Поэтому, когда баран принялся наяривать тоскливую увертюру, Тимур всполошился:

– Пастух, что с ним?

– Беспочуйся. Не нравится ему что-то...

– Может, он тоже, про хавку какую вспомнил? – бесцеремонно заржал мусафир, шедший впереди.

– Слушай, ты можешь заткнуться, пока мы сами для кого-нибудь хавкой не стали?!

Тагир быстро оглядывался по сторонам, пытаясь увидеть, что именно беспокоило барана.

– Ладно-ладно. Только не надо нервничать, – уgomонился мусафир.

Племянник султана поравнялся с пастухом и тоже прислушался к звукам улиц, но ничего подозрительного не заметил. Шорох травы, пробившей асфальт, шелест листьев на изогнутых деревьях... Ничего необычного. Однако, печальный опыт на Яшьлеке раз и навсегда научил его, что чутью животного лучше довериться. Поэтому, он спросил:

– Что не так?

– Не могу понять. – Тагир на всякий случай вытянул свисток, пристроив его к губам.

– А он на других животных, помимо кяльбов, как-то действует?

– Если честно, я не проверял. Дай бог, чтоб мы и не узнали.

– Ладно-ладно, – прозвучало где-то сзади.

Тимур и Тагир обернулись, уставившись на мусафира, но тот лишь потупил взор, потому что эту фразу произнес уже не он.

– Ладно-ладно... – снова раздалось откуда-то слева.

– Ладно-ладно... – и справа.

Все молчали.

Прохладный воздух остужал затылки.

– Что это? – кивнул Тагиру племянник султана. И звук повторился.

ЧТОЭТОЧТОЭТОЧТОЭТОЧТОЭТО...

ЛАДНОЛАДНОЛАДНОЛАДНО...

Некоторые из гаскарцев на всякий случай достали пистолеты и натянули противогазы. Последнее мусафиру в принципе показалось глупостью, поскольку эту местность он знал как родную, и воздух здесь был чист. Услышав очередную порцию повторяющихся слов, Тагир с озаренным лицом сделал шаг в сторону и громко произнес:

– ХРЕН!

ХРЕНХРЕНХРЕНХРЕНХРЕН... – тут же разнеслось с левой стороны улицы.

ЧТОЭТОЧТОЭТОЧТОЭТОЧТОЭТО...

ЛАДНОЛАДНОЛАДНОЛАДНО...

Теперь пастух однозначно был уверен в своем прозрении, но на всякий случай сделал еще одну проверку, быстро проговорив:

– Король Орел! Король Орел! Король Орел!

КОРОЛЬОРЕЛКОРОЛЬОРЕЛКОРОЛЬОРЕЛ...

Самодовольно улыбнувшись, Тагир подошел к небольшому ограждению, разделявшему дорогу от остальных построек. Засунув руку в перчатке в густые кусты и с усилием выдернув какое-то растение, он продемонстрировал его остальным, пока то не завяло.

– Вот это что. Пересмешник.

Тагир держал перед собой необычный цветок с толстым стеблем и красными лепестками, быстро увядающими к центру, обтянутому чем-то вроде растительной сетки.

– Пере... что? – поинтересовался Тимур.

– Пересмешник, – повторил Тагир. – Растение такое. Ну, то есть, это я его так называю. Повторяет короткие фразы и звуки, которые раздаются в радиусе нескольких метров. Он мне один раз так баронов скопировал – я чуть с ума не сошел.

– А ты не мог другого слова подобрать, чтоб свою теорию проверить? – в голос засмеялся Тимур.

– Первое, что в голову пришло, честное слово. А скороговорка – это тема. Ее не каждый человек повторит, а Пересмешник смо... – Тагир не успел договорить, поскольку чьи-то руки схватили его за локоть и втащили в череду бесконечной зелени в тот момент, когда мимо него со свистом пронеслось огромное нечто. Если бы не эти руки, Тагир был бы уже трупом.

Обернувшись, чтобы посмотреть на своего спасителя, пастух дернулся обратно, увидев обезображенное лицо... человека? Тагир начал быстро перебирать руками, пытаясь отползти назад. Он старался не отрывать взгляда от чудика, который дернул его, но на мгновение зажмуренные от хлестнувшей по лицу ветки дерева глаза позволили тому скрыться.

– Зилант! ЗИЛАНТ!

Тагир выскочил из кустов.

Тимур лежал без сознания. Видимо, тварь, которая сейчас вспахивала воздух огромными крыльями, должна была зацепить его, а зацепила племянника султана. Пока монстр заходил на траекторию новой атаки, Тагир снова вернулся к Тимуру и несколько раз хлестнул его по щекам.

– Тимур, очнись! А вы, – он обернулся к спутникам, – отходите к кустам! Там безопаснее!

Послушавшись пастуха, гаскарец бросил барана и, что было мочи, дал деру к гушам. Мусафир уже беспорядочно палил в воздух, стараясь дать отпор навязавшемуся крылатому гостю. То же самое делали и остальные гаскарцы, постепенно подбираясь к зарослям. На некоторое время тварь исчезла из вида.

Растормошив-таки племянника султана, Тагир усадил его на земле и, вытянув пистолет из кобуры, вложил ему в руки.

– Увидишь Зиланта – стреляй! Я сейчас...

Тагир посмотрел в небо. Чисто. Баран, оставленный горе-гаскарцем на самом видном месте, метался по кругу. Ухватившись за ползающую по земле веревку, Тагир подтащил его к себе.

– Ты за небом следишь?! – крикнул он мусафиру.

– А то как же! – воскликнул тот. – Видать, обосралась, тварь! Улетела.

– Дай бог, чтобы так.

Но было не так. Присвистнув, мусафир снова начал палить в небо. Теперь уже по двум тварям...

– Тимур! Не сиди! Вставай! Нужно прятаться!

Племянник султана ничего не слышал. Он, конечно, видел, что одна из тварей уже летела на него, но словно пьяный, пытался не выстрелить, а просто удержать пистолет в руках. Быстро примотав барана веревкой к забору, Тагир кинулся к Тимуру, чтобы прикрыть его. А заодно сумел хоть как-то рассмотреть тварь.

Нет, не Зилант, мифический змей. Да и вообще – не змей. Это была птица. Ну, или, по крайней мере, ее подобие. И она уже распахнула пасть в преддверии очередного захвата, когда Тимур наконец пальнул... себе в ногу.

Сложившись пополам, племянник султана тем самым подставил свою спину под когти твари. А та и рада была воспользоваться удачным моентом – тут же вцепилась в плечи Тимура в тот же миг, когда и Тагир вцепился – в его ноги. А затем он не почувствовал под своими ступнями ничего... Только воздух...

– Тимур, оч-нись, мать твою!

Тагира здорово потрянуло, но рук он не отцепил. Кровь из разорванных плеч и простреленной ноги Тимура хлестала ему прямо на лицо. Посмотрев вниз, чтобы оценить высоту падения, Тагир как-то быстро отбросил эту идею – теперь нужно было держаться. Провожая взглядом отдаляющуюся землю, он, разве что, успел заметить, как несколько мусафиров выбежали на открытое пространство и палили... по ним, в то время, как вторая птица безропотно ухватилась за барана, вырывая вместе с веревкой и часть старого забора.

«Земля, прощай! В добрый путь!»

Даже при самом удачном раскладе – если бы птица ослабила свою хватку – это не помогло бы: если каким-то чудом и выживешь при падении с такой высоты, наверняка покалечишься так, что... в общем, лучше не выживать...

* * *

Птицу удалось рассмотреть только снизу. В том, что это была именно птица, Тагир был уверен и не уверен одновременно. С одной стороны, на это указывали перьевые лохмотья, клочками разбросанные по крыльям. Но птица как будто линяла, а на местах, которые уже оголились, пульсировала гладкая, черная кожа со вздувшимися венами, словно тварь именно сейчас и именно при них принимала новый облик, которым наградила ее природа.

Точное время полета и местность, над которой их с Тимуром несла птица, Тагир не смог бы определить, даже если бы очень захотел. Идея посмотреть вниз не приходила в голову ровно

до тех пор, пока макушки деревьев на захлестали его по ногам. Похоже, что птица приближалась к гнезду. Если и был момент что-то предпринять, этот момент наступил.

Нашупав кинжал, Тагир вытащил его из ножен и, что было мочи, обеими руками подтянулся на Тимуре. Сделав еще один рывок, он поравнялся с лицом племянника султана и постарался распознать, жив ли тот. Тимур дышал. Мысленно поблагодарив небеса и сделав еще один рывок, пастух замахнулся свободной рукой и воткнул кинжал в лапу пернатой твари. Потом еще раз, и еще.

Траектория полета изменилась кардинально. Дернувшаяся птица распушила крылья, но хватку не ослабила. Наоборот, в момент удара когти птицы увеличились, словно были выпущены до конца, и пропорол плечи глубокими бороздами. Тот заорал. Очнулся. Значит, живой. А птица, меж тем, резко накренилась и Тагир чуть не слетел, выпустив из руки кинжал. И все же, он был жутко рад.

– Живой, брат, живой! – радовался Тагир. – Потерпи, скоро посадка.

– Куда? – прохрипел племянник султана, голова которого моталась из стороны в сторону, словно у мертвецки пьяного.

– А вот сейчас и узнаем...

Посмотрев вниз, Тагир попытался оценить высоту. «Пятьдесят метров? Сто? Кто ж его знает... Выживем? Не выживем? По крайней мере я – должен! Ради Камили...»

Подтянувшись еще чуть-чуть на Тимуре, пастух, что было мочи, вцепился в лапу птицы единственным оружием, которое у него осталось – зубами. Почувствовав на губах тошнотворный, какой-то соленый вкус кожи и коричневой крови, стекавшей по подбородку, Тагир сплюнул то, что смог откусить, и снова впился зубами в лапу.

Судя по тому, что птица ослабила хватку, добыча не стоила таких жертв.

Распушенный хвост птицы удалялся стремительно, а ветви толстоствольных деревьев били сильно. Сначала удары приняло тело Тагира, поскольку тот тянул Тимура на себя, однако при очередном ударе о ветвь они поменялись местами, а на землю и вовсе приземлились по отдельности.

Но оба в отключке...

* * *

Кристаллы меда равнодушно зазвенели, упав в стальную кружку. В широко раскрытых глазах мусафира читались страх и решимость. По настоянию султана, он выпил два больших стакана сладкого отвара, чтобы скинуть с себя симптомы шока. Он был напуган, но спокоен. Все-таки он и его люди вернулись, а остальные нет. Мусафир прокручивал в голове последние несколько часов, но мысли все не собирались в кучу. И лишь испуганное лицо старика, который впустил их обратно в метро, все маячило перед глазами. И вот теперь он сидел на допросе, отвечая перед султаном... Пытаясь ответить.

Допив отвар, он вытер губы ладонью и попытался улыбнуться, но улыбка получилась кривой и тут же исчезла при виде выражения лица султана, на котором безуспешно пытались сфокусироваться его большие глаза. Султан не терял над собой контроль, и маска озлобленности и раздражения начала спадать, открывая взору мусафиру усталое старческое лицо.

– Так что же все-таки стряслось?

Нижняя челюсть мусафира, от страха выдвинутая вперед, почти не шевелилась. Наконец, он просто промолвил:

– Они улетели...

Султан потер руками уставшие глаза и встал с места, обходя незадачливого мусафира вокруг.

– Что значит, они улетели? У них что, крылья выросли?

– Нет...

Мусафир мотнул головой и вцепился в чашку, которая была уже пустой. В нервном движении, протерев пальцем ее стальную поверхность, он снова вымолвил:

– Их забрал... Зилант, наверное... Точнее, забрал Тимура, а Тагир ухватился за него...

Султан посмотрел на говорящую с джиннами, а затем и на Муху, который записывал ответы мусафира. Усталость от допроса взяла свое – отгеснив сомнения и недоумения, султан задал мусафиру последний вопрос, касательно направления полета, на что тот ответил коротко и ясно, так же как и четверо предыдущих гаскарцев, уже побывавших в покоях султана:

– Понятия не имею...

* * *

Глаза открылись.

Кто-то маленький, но очень настырный пытался прогрызть чуть ли не нору в указательном пальце Тагира. Собрав все оставшиеся в теле силы, он, как мог, распределил их, чтобы совершить два действия – посмотреть, что же все-таки так упорно борется с ним, и скинуть это как можно скорее. Сдвинув голову влево, Тагир заметил маленькое насекомое и чиркнул большим пальцем по указательному как можно резче, чтобы отправить надоедливое чудище куда подальше.

Лучи вечернего солнца, проникавшие в глубь леса сквозь многочисленные щели в листве деревьев, стали дрожать и колебаться, когда их пересекали тени чего-то снующего в вышине. К песне ветра присоединились взволнованные, словно птичьи, голоса нового мира. Тагир огляделся по сторонам в поисках какого-нибудь средства самозащиты и, пошатываясь, приподнялся. Шея спокойно поворачивалась и вправо, и влево – значит, остальное можно было подлатать, но только как и чем? Пальцы рук тоже, вроде, двигались, хотя сами руки адски затекли и почти потеряли чувствительность. Ноги... с ними было сложнее. Одну Тагир чувствовал точно, а вторую как-то не очень. Правую.

Массируя ногу быстрыми движениями, Тагир, тем не менее, не переставал оглядываться по сторонам – Тимур должен был лежать где-то рядом.

– Тимур! – прикрикнул он шепотом, чтобы, не дай бог, не накликать кого другого.

Тишина.

– Тимур!

Снова тишина.

– Ти...

– Тише ты! – послышалось откуда-то из кустов. – Иди сюда, помоги мне...

– Ты где? Ты живой? Ничего не сломал?

– Буду живым, если ты сейчас же подойдешь ко мне! И захвати что-нибудь острое!

– Легко сказать...

Тагир схватил первое, что попало ему под руку, – это была палка, – и пополз на голос спутника, раздвигая руками поросшие заросли. Тимура он нашел почти сразу, равно как и то, что мирно посапывало на его ногах. Лицо племянника султана было измученным, жутко изорванные плечи до сих пор кровоточили, но остальные части тела, вроде, были целы, не считая ног – под шерстяным ветвлением, окутавшим их, трудно было сделать какое-то предположение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.